АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННИК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1967

Редактор
акад. М. П. АЛЕКСЕЕВ

7-2-2
146-67 (II пол.)

lib.pushkinskijdom.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий выпуск «Временника Пушкинской комиссии» Академии наук СССР продолжает издание, предпринятое комиссией в 1963 г. Прежними остаются задачи этого издания, как они изложены были в первых двух выпусках «Временника»; в соответствии с ними сохраняются также все отделы, установленные в первом выпуске. Однако, стремясь, как и раньше, периодически сообщать обо всех сколько-нибудь примечательных событиях в советском и зарубежном пушкиноведении, в частности своевременно доводить до сведения читателей о новых находках пушкинских рукописей, Комиссия принуждена была на этот раз несколько нарушить хронологическую последовательность в распределении материала. Третий выпуск «Временника» подводит итоги изучению и популяризации творчества Пушкина начиная с 1964 г. В первом отделе настоящего издания, посвященном последним приобретениям пушкинского рукописного фонда, идет речь о двух важных находках, сделанных в 1965 и 1966 гг. Откладывать оповещение об этих находках до выхода в свет соответствующих выпусков «Временника» за последующие годы представлялось нецелесообразным, поэтому в настоящем выпуске даются краткие характеристики найденных автографических рукописей Пушкина — записки «О народном воспитании» (1826), долгие годы считавшейся утерянной, а также весьма интересных записей и помет Пушкина на рукописи книги П. А. Вяземского о Фонвизине.

В первом разделе книги читатель найдет также несколько статей небольшого объема о Пушкине и его произведениях, имеющих значение публикаций, так как все они основаны на неизвестных ранее материалах ленинградских, московских и пермских архивов. Во втором отделе книги помещен библиографический перечень «Книги о Пушкине 1964—1965 гг.».

В «Хронике» отражены события в области пушкиноведения, преимущественно относящиеся к 1964—1965 гг.

lib.pushkinskijdom.ru

Все цитаты из Пушкина в текстах нижеследующих статей и материалов даются по «Полному собранию сочинений» Пушкина (тт. I—XVI, Изд. АН СССР, 1937—1949) — если цитируемое издание не оговорено особо — в такой форме: Акад., том, страница (или номер письма); при многократных ссылках — без повторения условного обозначения «Акад.».

lib.pushkinskijdom.ru

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. В. ИЗМАЙЛОВ

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЙ АВТОГРАФ ПУШКИНА — ЗАПИСКА «О НАРОДНОМ ВОСПИТАНИИ» [1]

Среди автографов Пушкина, обнаруженных и поступивших в Рукописный отдел Пушкинского дома в последние два года, одно из первых мест по величине и значению принадлежит беловой рукописи записки «О народном воспитании», приобретенной в октябре 1965 г. у наследников ленинградского коллекционера С. Л. Маркова.[2]

Записка «О народном воспитании» — публицистический (хотя и «служебный» по форме и назначению) документ большой важности для определения общественно-политической позиции Пушкина, занятой им в конце 1826 г. после возвращения его из ссылки (а главное — после исполнения приговора над декабристами), и, более того, для суждения о некоторых основных элементах его историко-философского и общественно-политического мировоззрения. Записка не раз подвергалась изучению и до-

[1] Извлечение из доклада, прочитанного автором на пленарном заседании Пушкинской комиссии при ОЛЯ АН СССР 23 ноября 1965 г. Ныне автограф находится в Пушкинском фонде ИРЛИ — ф. 244, оп. 1, № 1734.

[2] Находка рукописи, обнаруженной в коллекции С. Л. Маркова после его кончины (в октябре 1964 г.), вызвала ряд откликов в печати, к сожалению, в некоторых случаях искажающих подлинную историю рукописи. См.: Эд. Аренин. Рукою великого Пушкина. «Вечерний Ленинград», 1965, 11 июня, с двумя репродукциями; Н. Мороз. Рукой Пушкина. «Комсомольская правда», 1965, 13 июня; Б. Метлицкий. Свидание через 138 лет. «Литературная Россия», 1965, 20 августа, № 34 (138), стр. 16—17; А. Виноградов (корр. ТАСС). Найдена рукопись А. С. Пушкина. — Напечатано во многих областных и районных газетах за 13 июня—1 июля 1965 г.; Редчайшая находка. «Рабочий Кронштадт», 1965, 17 июня, без подписи; И. Пиккиев. Поэт и царь. Редкая рукопись А. С. Пушкина. «Псковская правда», 1965, 15 июля; ‹Н. Мар.›. Написано Ал. Пушкиным. «Литературная газета», 1966, 2 июня, без подписи, и др.

lib.pushkinskijdom.ru

вольно хорошо известна в пушкиноведческой литературе.[3] Всестороннее ее рассмотрение, которое дополнило бы и обобщило то, что уже сделано, не входит в настоящее краткое сообщение и должно составить предмет иного, специального исследования, нами подготавливаемого. Здесь мы ограничимся изложением чисто внешних текстологических и историко-биографических данных об этом документе.

Рукопись представляет собою тетрадь, сшитую из 9 двойных (18 одинарных) листов (т. е. 36 страниц) писчей бумаги размером 380 × 234 мм с клеймами: на правой стороне разворота — «A F Rall № 4», на левой стороне — лев с мечом в овале под королевской (?) короной, с надписью на овале «Pro Patria» (некоторые листы не имеют «№ 4»).[4] Лист 1-й (т. е. 1-й и 18-й полулисты) — чистый, служит обложкой. Следующие 11 полулистов (2-й—12-й), согнутые каждый вдоль на две половины, заняты текстом записки, расположенным с обеих сторон, на внутренних (к корешкам) половинах листов; текст, таким образом, занимает всего 22 страницы. От полулиста 13-го (вторая половина 6-го листа) вдоль отрезана часть, причем на оставшейся узкой полосе видны начальные буквы 6 строк бывшего здесь текста, пока не установленного (возможно, что это черновик одного из пассажей записки). Остальные полулисты (14—18) — чистые.

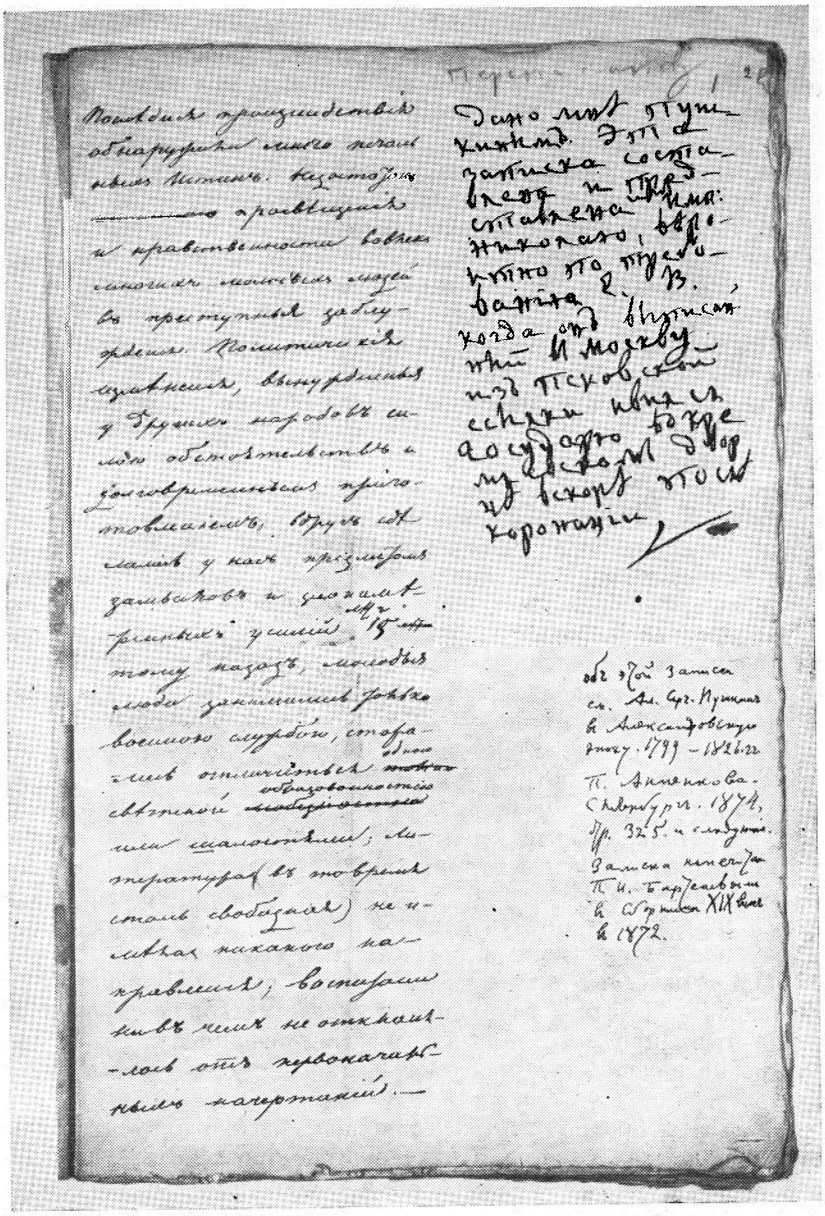
Рукопись — перебеленная, со многими поправками — не имеет ни заглавия, ни подписи; последнюю заменяет на л. 12_2 обычный для Пушкина заключительный росчерк, рядом с которым дата: «Михайловское. 1826. Ноябр‹я› 15». На правой (свободной) стороне первой страницы рукописи (л. 2_1) имеются позднейшие записи: одна — рукою П. А. Вяземского, известная в печати (а также его помета карандашом: «Переписать»), и другая, как нам удалось установить, — рукою В. Е. Якушкина. О той и другой будет сказано далее.

---

[3] См.: М. И. Сухомлинов. 1) Император Николай Павлович — критик и цензор сочинений Пушкина. «Исторический вестник», 1884, № 1, стр. 78—87; 2) Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. II. СПб., 1889; Александр Цейтлин. Записка Пушкина о народном воспитании. «Литературный современник», 1937, № 1, стр. 266—291; И. Л. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 3. М., 1962, стр. 319—331. См. также комментарии Н. К. Козмина к записке в сочинениях Пушкина, изданных Академией наук СССР («старое» издание), т. IX, кн. II, Л., 1929, стр. 61—76, и в биографических трудах о Пушкине Н. Л. Бродского, Л. П. Гроссмана и др.

[4] По «Описанию бумаги», составленному Б. В. Томашевским, — бумага № 79 (см.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. Научное описание. Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Изд. АН СССР, Л.—М., 1937, стр. 311). На бумаге с тем же водяным знаком написаны: перебеленный автограф стихотворения «19 октября ‹1825 г.›» и черновые наброски к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» (1827). (Рукописи Пушкина..., стр. 29, № 70 и стр. 115—116, № 295).

lib.pushkinskijdom.ru



Автограф записки «О народном воспитании», первая страница, с записями П. А. Вяземского и В. Е. Якушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

Рукопись записки Пушкина была известна в печати давно — с 1872 г. Но затем она исчезла из поля зрения исследователей, а в последние 50 лет (и более) считалась вообще утраченной. Необходимо поэтому восстановить в самых кратких чертах ее историю.

Находясь в Москве после неожиданного возвращения из ссылки, Пушкин получил письмо от А. Х. Бенкендорфа, написанное перед отъездом шефа жандармов в Петербург — 30 сентября 1826 г.[5] В письме содержались первые — после «прощения» — распоряжения Николая I, определявшие новые отношения между поэтом и властью, и первые требования власти к поэту, к его мысли и творчеству. «Его величество, — писал Бенкендорф, — совершенно остается уверенным, что вы употребите отличные способности ваши на передание потомству славы нашего Отечества, передав вместе бессмертию имя ваше. В сей уверенности его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметом о воспитании юношества. Вы можете употребить весь досуг, вам предоставляется совершенная и полная свобода, когда и как представить ваши мысли и соображения; и предмет сей должен представить вам тем обширнейший круг, что на опыте видели совершенно все пагубные последствия ложной системы воспитания».

В последних словах заключалось недвусмысленное и угрожающее напоминание поэту не только о его ссылке 1820 г., но прежде всего о его связях с декабристами и о значении для них его вольнолюбивых стихов.

Пушкин не сразу приступил к выполнению «высочайшего» поручения: оно его затрудняло тем более, что он ясно понимал его испытательный характер, понимал заключенные в нем трудности и поставленные перед ним требования. Несколько месяцев спустя, он выразил свое отношение к полученному им заданию в разговоре с А. Н. Вульфом, записанном в дневнике этого очень точного мемуариста под 16 сентября (1827 г.): «Говоря о недостатках нашего частного и общественного воспитания (т. е. об основной теме своей записки, — *Н. И.*), — пишет Вульф, — Пушкин сказал: „Я был в затруднении, когда Николай спросил мое мнение о сем предмете. Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтобы сделать добро...“».[6]

«Сделать добро», т. е. дать Николаю и его правительству несколько полезных советов в декабристско-просветительском духе и соблюсти приемлемый для царя и Бенкендорфа почтительный и благонамеренный тон, требовало большой обдуманности и боль-

[5] Акад., т. XIII, стр. 298, № 283.

[6] Л. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, стр. 177—178, в статье «А. Н. Вульф и его дневник».

lib.pushkinskijdom.ru

шого стилистического искусства со стороны поэта-публициста. О большой и тщательной работе Пушкина над запиской свидетельствуют ее черновики, далеко не полностью дошедшие до нас, но содержащие не только наброски текста, но и планы отдельных частей записки.[7] Черновики эти относятся, вероятно, к концу октября 1826 г. — к последним дням пребывания Пушкина в Москве. Выехав отсюда, очевидно, 1 или 2 ноября, он только 8-го приехал в Михайловское[8] и здесь, закончив черновую работу, переписал записку «О народном воспитании» в сшитую для этого тетрадь, которая и составляет предмет нашего рассмотрения. Переписка, как уже выше сказано, была закончена 15 ноября 1826 г., после чего, прожив еще дней десять в Михайловском и за эти дни выезжая иногда по окрестностям,[9] он около 25 ноября (возможно, 24-го или 26-го) отправился в Псков, с тем чтобы к 1 декабря вернуться в Москву и уже, вероятно, оттуда послать записку Бенкендорфу, показав ее предварительно ближайшим друзьям, начиная с Вяземского (последний, конечно, был осведомлен о полученном Пушкиным задании и участвовал в подготовке его выполнения). Несчастный случай — ушиб при падении из ямской повозки при выезде из Пскова[10] — изменил его планы, заставив «сидеть или лежать во Пскове» почти три недели.[11] За это время он отдал свою рукопись в переписку и прямо из Пскова, внеся в копию несколько поправок и дополнений, но никому из друзей не показав, отправил ее в Петербург Бенкендорфу (хотя последний и не торопил его).[12] К со-

---

[7] ИРЛИ, № 717 (отдельный лист) и № 836 («Третья масонская тетрадь» — бывш. ГБЛ, № 2368), лл. 44—49 (см.: Акад., т. XI, стр. 310—317). Об отсылках в тексте черновика к предшествующим рукописям (пометах «из записок», многократных «etc» и т. п.) см. соображения И. Л. Фейнберга в его книге «Незавершенные работы Пушкина» (стр. 319—332).

[8] Время выезда Пушкина из Москвы определяется следующими данными: «1 ноября 1826. Москва» помечен беловой автограф стихотворения «К***» — «Зачем безвременную скуку...», записанный в альбоме В. П. Зубкова (Акад., II, кн. 2, стр. 626 и 1079; Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский дом после 1937 г. Краткое описание. Сост. О. Соловьева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1964, № 900; М. А. Цявловский. Новые автографы Пушкина. «Московский пушкинист», т. II, М., 1930, стр. 181—182); «Torjok 3 Nov<embre>» («Торжок, 3 ноября <1826 г.>») помечено письмо Пушкина к В. Ф. Вяземской (Акад., XIII, № 290). Из этого следует, что он вечером 1 ноября или утром 2-го выехал из Москвы. 9 ноября он писал С. А. Соболевскому уже из Михайловского: «Я снова в моей избе. 8 дней был в дороге...» (Акад., XIII, № 291), чем устанавливается дата его приезда в Михайловское.

[9] Во время этих разъездов написано стихотворение «Как счастлив я, когда могу покинуть...», помеченное «23 Nov. С. Казаково», и, вероятно, другие стихотворения, черновики которых находятся на том же листе — ИРЛИ, № 84.

[10] См.: Акад. XIII, стр. 311, № 301.

[11] Там же, стр. 312, № 302.

[12] Авторизованная копия сохранилась в деле III Отделения о Пушкине, 1826 г., № 62, лл. 25—32, теперь — в ИРЛИ, № 718. На рукописи следы от-

lib.pushkinskijdom.ru

жалению, сопроводительное письмо к записке, несомненно существовавшее, не сохранилось и не оставило следов в делах III Отделения. Сама записка не носит никаких канцелярских помет, и, следовательно, неизвестно, когда точно она была послана из Пскова и когда получена в Петербурге.[13] По-видимому, тотчас по получении Бенкендорф представил ее Николаю,[14] и последний, внимательно ее прочитав и испестрив отчеркиваниями и вопросительными знаками, сделал на ней краткую и мало разборчивую карандашную надпись: «Для объя‹снения› ‹?› с Г.‹енерал› А.‹дъютантом› Бенкендорф‹ом›».[15] После этого «объяснения» шеф жандармов тут же карандашом по-французски записал царскую резолюцию для сообщения ее Пушкину,[16] что и было исполнено письмом Бенкендорфа от 23 декабря 1826 г.,[17] причем резолюция была слегка дополнена всегдашним помощником и исполнителем при шефе жандармов М. Я. Фон-Фоком. Смысл письма очень точно сформулирован Пушкиным в цитированном выше разговоре с А. Н. Вульфом, записанном его собеседником: «‹...› я между прочим сказал, что должно подавить частное воспитание. Не смотря на то, мне вымыли голову».[18] После этого подлинник записки в течение шестидесяти лет оставался погребенным в архиве III Отделения, пока в 1884 г. не был напечатан М. И. Сухомлиновым, а в 1903 г. передан в Пушкинский лицейский музей, в составе которого в 1917 г. поступил в Пушкинский дом.

Что касается перебеленного автографа, составляющего предмет наших наблюдений, то Пушкин привез его с собою в Москву около 20 декабря 1826 г.[19] Здесь — вероятно, в это же время или при отъезде в Петербург весной 1827 г. — он передал свой автограф Вяземскому, свидетелю и участнику начальной стадии его

тиска почтового штемпеля: «‹П›сков 182‹6›». Записка по этой копии напечатана М. И. Сухомлиновым в «Историческом вестнике» (1884, № 1, стр. 80—84).

[13] В письмах к Пушкину, написанных 9 и 14 декабря, Бенкендорф не упоминает о записке (см.: Акад., XIII, №№ 303 и 304).

[14] Сопроводительная бумага Бенкендорфа при представлении записки Пушкина Николаю и краткий ответ последнего: «Je verrai ce que c'est» (Посмотрю, что это такое) — напечатаны в «Старине и новизне» (кн. VI, 1903, стр. 5).

[15] Эта надпись была напечатана Н. К. Козминым в комментариях к записке в «старом» академическом издании сочинений Пушкина (т. IX, кн. II, 1929, стр. 67), причем ошибочно принята за надпись рукою И. И. Дибича. Ошибку Козмина повторил в указанной статье А. Г. Цейтлин (стр. 273).

[16] Резолюция напечатана неточно М. И. Сухомлиновым («Исторический вестник», 1884, стр. 86) и точнее — Н. К. Козминым (комм. к «старому» акад. изд. соч. Пушкина, т. IX, кн. II, стр. 67—68).

[17] Акад., XIII, № 308.

[18] Л. Майков. Пушкин..., стр. 177—178.

[19] См. письмо Пушкина к Н. М. Языкову от 21 ‹декабря› 1826 г. (в подлиннике ошибочно — 21 ноября) — Акад., XIII, № 306.

lib.pushkinskijdom.ru

работы. На это указывает надпись рукою Вяземского, сделанная на свободной половине 1-й страницы автографа (несомненно, судя по почерку, значительно позднее, может быть, в 1870—1871 гг., перед публикацией документа). Надпись гласит: «Дано мне Пушкиным. Эта записка составлена и представлена им имп.<ератору> Николаю, вероятно, по требованию Е<го> В<еличества>, когда он выписанный в Москву из Псковской ссылки явился государю в Кремлевском дворце вскоре после коронации. В».[20]

С этой надписью Вяземский передал рукопись для опубликования П. И. Бартеневу, и Бартенев напечатал ее во второй книге издававшегося им сборника «XIX век» (М., 1872, стр. 209—215) с небольшим послесловием издателя (стр. 215—218), где говорилось, что «записка эта печатается с подлинной черновой рукописи,[21] полученной нами от князя П. А. Вяземского, которому она была отдана самим автором».[22] При публикации Бартенев привел под строкой важнейшие первоначальные варианты рукописи, однако же не все, как будет показано дальше; надпись Вяземского не была им напечатана, но текст ее использован в послесловии.[23]

После публикации «XIX века» записка «О народном воспитании» в напечатанной здесь редакции входит в ближайшие издания сочинений Пушкина: редактированные П. А. Ефремовым издания 1880 и 1882 гг. и редактированное П. О. Морозовым издание 1887 г. («Литературного фонда»). Начиная с издания 1887 г. под редакцией Ефремова редакторы воспроизводят — и с полным на то основанием — уже другой текст, текст авторизованной копии из архива III Отделения, представляющий окончательную редакцию записки и опубликованный, как отмечено выше, в 1884 г. М. И. Сухомлиновым.[24] Но самый автограф, быв-

---

[20] Подпись представляет собою обычный для Вяземского росчерк.

[21] На самом деле, как сказано, рукопись представляет собою перебеленный (беловой с поправками) автограф, но отнюдь не черновой.

[22] Значительная часть послесловия посвящена полемике с П. В. Анненковым, который в «Материалах для биографии А. С. Пушкина» (Сочинения Пушкина, т. I, 1855, стр. 174—175) якобы внес путаницу в изучение тогда еще неизвестной ему записки, о существовании которой он догадывался по черновикам ее и по письму к Пушкину Бенкендорфа. Анненков отвечал Бартеневу в своей новой книге «Пушкин в Александровскую эпоху» (первоначально в «Вестнике Европы», 1873, отдельно — СПб., 1874, стр. 325—329), и по ответу его можно думать, что он к этому времени ознакомился с «черновым оригиналом», т. е. рукописью, опубликованной Бартеневым, хотя это и не вполне ясно. Вопрос разрешен в указанной статье М. И. Сухомлинова («Исторический вестник», 1884, № 1, стр. 87).

[23] Письма П. И. Бартенева к Вяземскому за март—май 1872 г. по поводу публикации записки и составления послесловия к ней, прочтенного и одобренного Вяземским, находятся в Остафьевском архиве (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1407, лл. 111, 113, 115, 123), о чем сообщено нам Р. Е. Теребениной.

[24] Так же поступают и все советские издания сочинений Пушкина начиная с первого полного в приложении к «Красной ниве», 1930—1931 гг.

lib.pushkinskijdom.ru

ший у Вяземского и напечатанный Бартеневым, оставался недоступен и Ефремову, и Морозову, и другим дореволюционным и советским редакторам; он надолго исчез из поля зрения исследователей, не упоминаясь даже в примечаниях к большинству изданий.

Какова же судьба этого автографа? Мы можем теперь, пользуясь архивными и печатными данными, восстановить его историю, если не полностью, то, по крайней мере, в ее основных этапах.

По смерти П. А. Вяземского (1878), автограф, хранившийся в Остафьевском архиве, перешел во владение его сына, Павла Петровича Вяземского (1820—1888), а от последнего — к его зятю, гр. С. Д. Шереметеву, женатому на княжне Ек. Павл. Вяземской. В собственности Шереметева автограф и оставался до 1917 г., в составе Остафьевского архива, перевезенного в 90-х годах из Остафьева в другое подмосковное имение Шереметевых — село Михайловское.

В ходе работ по подготовке «старого» академического издания секретарь образованной при ОРЯС по смерти Л. Н. Майкова (1900) Комиссии по изданию сочинений Пушкина Борис Львович Модзалевский уже в конце 1901 г. обратился к гр. С. Д. Шереметеву с просьбой предоставить Комиссии находящиеся в Остафьевском архиве автографы Пушкина. Видимо, Шереметев не спешил с исполнением просьбы Комиссии, и в 1904 г., после нескольких бесполезных обращений, Б. Л. Модзалевскому пришлось самому (с 21 мая по 1 июня) съездить в Михайловское для изучения и сверки на месте автографов поэта. Сведения о поездке содержатся в кратком отчете Б. Л. Модзалевского.[25] Из него видно, что исследователь прежде всего нашел в архиве и проверил по подлинникам 152 письма Пушкина и к Пушкину (из них 24 новых). Далее читаем: «Для В. Е. Якушкина.[26] Проверено по подлинникам: <...> Стихи: <...> „Евгений Онегин", гл. 2 <...>, „Граф Нулин". Проза: „Записка о воспитании" <...>». И здесь же, против этих заглавий, помечено: «Было привезено в Петербург и в июне <1904 г.> сверено В. Е. Якушкиным». В другом документе — «исходящем журнале» Комиссии, т. е. реестре писем, отправляемых ею, который вел Б. Л. Модзалевский, — под датой «1904. Июня 17» следует запись: «199. Гр. С. Д. Шереметеву. Возвращаются принадлежащие ему руко-

[25] Этот собственноручный отчет Б. Л. Модзалевского, а также упоминаемый далее «Исходящий журнал» Пушкинской комиссии обнаружены в Пушкинском фонде ИРЛИ и сообщены нам хранительницей фонда Р. Е. Теребениной, за что мы приносим ей благодарность.

[26] В. Е. Якушкин был по смерти Л. Н. Майкова главным — и, по существу, единственным — редактором академического издания сочинений Пушкина, но успел до своей болезни выпустить только том II (1905) и приготовить часть III (вышел в 1912 г. уже после смерти Якушкина).

lib.pushkinskijdom.ru

писи Пушкина: „Евгений Онегин“ глава 2 и другие стихотворения (14 стр.), „Гр. Нулин“ (20 стр.) и „Записка о воспитании“ 22 стр.».[27]

Количество страниц, совпадающее здесь с количеством страниц занимающего нас перебеленного автографа, не оставляет сомнений в том, что в реестре Б. Л. Модзалевского речь идет именно об этой рукописи. А то, что рукопись в Петербурге была изучена В. Е. Якушкиным, подтверждается записью, сделанной его рукой на 1-й ее странице вслед за записью П. А. Вяземского. Запись Якушкина, воспроизводящаяся впервые, гласит: «Об этой записке см. Ал. Серг. Пушкин в Александровскую эпоху, 1799—1826 гг. П. Анненкова. С. Петербург. 1874, стр. 325 и следующие. Записка напечатана П. И. Бартеневым в сборнике XIX век в 1872».

Никаких результатов своей работы над рукописью записки В. Е. Якушкин, умерший в 1912 г., насколько нам известно, не публиковал. Не обнаружено пока ее следов и в бумагах исследователя, хранящихся в Пушкинском доме. Но, по-видимому, какие-то выписки В. Е. Якушкина были в руках редактора IX тома «старого» академического издания сочинений Пушкина Н. К. Козмина,[28] где в примечаниях к записке «О народном воспитании» читаем: «Мы печатаем текст по беловой копии,[29] являющейся последней редакцией записки. К сожалению, мы были лишены возможности исправить орфографию всего текста по шереметевскому списку,[30] а потому ограничились сохранением лишь главных особенностей пушкинского правописания, руководствуясь музейным списком».[31] Таким образом, Н. К. Козмин не видел интересующего нас автографа Остафьевского архива, бывшего тогда (до 1917 г.) у С. Д. Шереметева (он называет рукопись из

---

[27] Те же сведения о поездке Б. Л. Модзалевского, о привезенных им рукописях (в том числе «Записки о воспитании») и о просмотре их Якушкиным содержатся в «Извлечениях из протоколов Пушкинской комиссии» (протокол заседания 24 сентября 1904 г., п. XI), напечатанных в органе Комиссии «Пушкин и его современники» (вып. VIII, 1908, стр. VII—VIII). Мы потому так подробно останавливаемся на этом вопросе, что легендарные и ошибочные сведения по истории рукописи, якобы подаренной П. И. Бартеневым деду коллекционера, В. В. Маркову, приведенные в статье «Рукою великого Пушкина» («Вечерний Ленинград», 1965, 11 июня), получили распространение в печати.

[28] Том IX (критико-публицистическая проза) вышел в свет двумя частями: кн. I (текст) — в 1928 г., кн. II (примечания) — в 1929 г. Но работа над ним, начатая в какой-то мере В. Е. Якушкиным и затем продолженная Н. К. Козминым, была закончена, и книга начата набором в 1912 г., почему этот том и может быть назван последним дореволюционным изданием.

[29] Т. е. по авторизованной рукописи из архива III Отделения (ИРЛИ, № 718).

[30] Т. е. по перебеленному автографу из Остафьевского архива, напечатанному П. И. Бартеневым.

[31] Т. е. черновым автографом (теперь ИРЛИ, № 836). — См.: Акад., т. IX, кн. II, 1929, стр. 62.

lib.pushkinskijdom.ru

архива III Отделения копией «с этого, до нас не дошедшего оригинала»). Но далее, приводя «важнейшие первоначальные варианты по шереметевской и музейной рукописям» (стр. 62—65), Н. К. Козмин, помимо вариантов, напечатанных в «XIX веке», дает еще пять других, отсутствующих в бартеневской публикации,[32] а также приводит (стр. 66—67) запись П. А. Вяземского на автографе, не напечатанную Бартеневым. Это можно объяснить только тем, что редактор «старого» академического издания пользовался материалами, выписанными в 1904 г. из подлинника В. Е. Якушкиным.

Таким образом, вплоть до 1904 г. — и, несомненно, до 1917 г. — рукопись записки оставалась в том же Остафьевском архиве, где она была и до 1872 г. Затем следы ее теряются. Когда Остафьевский архив поступил в ГАФКЭ (Гос. архив феодально-крепостнической эпохи, образованный в 1931 г.), рукописи записки там уже не было. Незадолго до Великой Отечественной войны ее приобрел С. Л. Марков. Когда именно, где и как, от кого — остается невыясненным, так как никаких записей об этом не сохранилось. Теперь рукопись находится там, где ей давно надлежало бы быть — в Пушкинском доме.

В чем же заключается значение этого замечательного автографа?

Прежде всего не приходится говорить, как велика, даже неизмерима, ценность появления каждого нового автографа Пушкина или автографа, долго считавшегося утраченным для нашей науки, нашей культуры вообще, в особенности такого исключительно важного документа, как записка «О народном воспитании». Воссоединение ее с другими рукописями записки заполняет казавшийся безнадежным пробел в истории ее создания, дает ряд новых, опущенных в публикации Бартенева, первоначальных вариантов, в трех местах уточняет и исправляет ее основной текст. Ниже, в особой таблице, мы даем те варианты автографа, которые не дал вовсе или дал неточно П. И. Бартенев, сопоставляя их с текстом и вариантами записки в XI томе академического издания (стр. 43—47 и 318—319). Самое их количество показывает, как много нового дает нам приобретенный Пушкинским домом автограф.

Приложение

ВАРИАНТЫ АВТОГРАФА (ИРЛИ, № 1734)

Страница 43.

7.* Лет 15 тому назад | 10 лет тому назад

8—9. отличаться одною светской образованностью | отличиться◇ только светской любезностию

[32] См. эти варианты ниже.

* Цифры слева обозначают строку.

lib.pushkinskijdom.ru

13—14. литературу (подавленную | литература (подавленная
15. и возмутительные | и в возмутительные◇
18. походам ~ пребыванию | *Начато*: походы ~ пребывание

Страница 43—44.

35—1. недостатку твердых познаний | недостатку твердых наук *вписано.*

Страница 44.

13. всякая новость | всякое слово
14. ни поверить | ни поверять◇
15. жалким *вписано.*
16. захочет оказать |*Начато*: захочет его
17. свое орудие | жалкое орудие
20. как вообще всякое | как и всякое
22—23. извлечь некоторую пользу из самого злоупотребления | употребить в пользу самое злоупотребление
23—24. представить чины ~ просвещения | *а.* представить [чины] просвещение средством к достижению чинов *б.* чины — целию просвещения *в.* чины — целию и наградою просвещения.
25. должно его там удержать *вписано.*
» дать ему время | *а.* должно дать ему время *б.* дать ему там время
26. в тишине училищ | в тишине трудов училища
36. во что бы то ни стало должно | *а.* должно во что бы то ни стало *б.* надлежит во что бы то ни стало *в. Восстановлено как а.*◇
38. Надлежит *вписано.*
38—39. сопряженные с оным | сопряженные с частным воспитанием

Страница 45.

9. Он походит на плохую таможенную заставу | Наш двойной экзамен походит на заставу
10. инвалиды пропускают | инвалиды впускают
11. проехать стороною | объехать стороною
17. почитающих своих детей | почитающихся
21—23. воспитание иностранных университетов ~ менее вредно | воспитание университетское не в пример вредно
26. нравственностию и умеренностию | нравственностию и умеренностию правил◇
33. корпуса, рассадник | корпуса как рассадник
34. физического преобразования | физического и нравственного преобразования[1]
38. и жалобы до начальства | *а. Как в тексте. б.* до начальства и жалобы◇[2]

Страница 46.

4. Слишком у нас обыкновенное | *а.* бывшее слишком обыкновенным *б.* было слишком обыкновенно[1]
16. Предметы ~ не требуют | Предметы ~ кажется не требуют

---

[1] В Акад. IX, 1929, кн. II, стр. 64 — введено.

[2] В авторизованной копии (ИРЛИ, № 718) перестановка не сделана; последнее чтение должно быть введено в основной текст.

lib.pushkinskijdom.ru

17. языки слишком много занимают | *а. Как в тексте. б.* изучение языков слишком много занимает
25. у нас *вписано.*
33. одностороннее *вписано.*
35. *После* измениться *было начато*: Не должно утаивать
» Можно будет |Должно будет
» показать | показывать
36. нужд и требований государственных | [его] их нужд и требований не хитрить, не искажать |не таить
37. *После* рассуждений *следовало: а.* Тацита, великого сатирического писателя, но опасного декламатора, исполненного предрассудков *б. См.: Акад., XI, стр. 319, б.*
38. превознесенного 2000 лет | превознесенного 2000-ми лет [3]

Страница 47.

6. сверьх ее истории | Ее история
7 ее статистика, ее законодательство требуют [4] особенных кафедр | ее статистика, ее законодательство все сие требует особенного курса и особенных кафедр
8. в окончательные годы *вписано.*
10. искренно и усердно | искренно, усердно
12. безумно *вписано.*
Дата: Михайловское
1826 Ноябр‹я› 15

[3] В авторизованной копии не воспроизведено; должно быть введено в основной текст (2000-ми).
[4] Чтение: «требуют» должно быть введено в основной текст вместо: «требует».

lib.pushkinskijdom.ru

В. Э. ВАЦУРО

ПОМЕТЫ ПУШКИНА НА КНИГЕ ВЯЗЕМСКОГО

Новые строки Пушкина, вводимые ныне в научный оборот, представляют собою его пометы на полях рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фон-Визине». Рукопись хранится в фонде Петербургского цензурного комитета в Центральном государственном историческим архиве (Ленинград) [1] и была обследована М. И. Гиллельсоном и мною осенью 1965 г.[2]

Рукопись «Фонвизин» — переплетенная тетрадь, содержащая 122 листа (239 страниц авторской нумерации) и переписанная двумя писарскими почерками. Во многих местах правка чернилами рукой Вяземского. На титульном листе дата: «Москва 1832». На обороте его цензорская виза П. А. Корсакова с датой: «15 февраля 1836 года». Это та самая рукопись, о которой Пушкин писал Вяземскому во второй половине февраля 1836 г., поздравляя его «с благополучным возвращением из-под цензуры».[3] Однако по разным причинам Вяземский несколько раз отклады-

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 25, № 1903.

[2] См. сообщения о находке в периодической печати: Биение пушкинской мысли. «Смена», 1965, 9 декабря; Редкая находка. «Вечерний Ленинград», 1965, 17 декабря; Я. Лернер. Счастливое открытие. «Труд», 1966, 23 января; Написано Александром Пушкиным. «Литературная газета», 1966, 2 июня. Краткая характеристика автографа была дана в докладе Н. В. Измайлова на заседании Пушкинской комиссии 23 ноября 1965 г. (см.: О. А. Пини. Заседание Пушкинской комиссии. «Вестник АН СССР», 1966, № 2, стр. 176), анализ помет — в нашем докладе на XVIII Пушкинской конференции — «Новонайденный автограф Пушкина» (см. хронику конференции: Р. В. Иезуитова. XVIII Пушкинская конференция. «Вестник АН СССР», 1966, № 9, стр. 130; Л. А. Шейман. Восемнадцатая Пушкинская. «Русский язык в киргизской школе», 1966, № 4, стр. 32—33, с цитацией некоторых помет).

[3] Акад., XVI, № 1215. В Акад. датирована концом мая—первой половиной июня 1836 г. Дата цензорского разрешения рукописи позволяет датировать точнее — второй половиной февраля 1836 г.

lib.pushkinskijdom.ru

вал печатание книги; лишь в 1846 г. он представил в Цензурный комитет отпечатанные листы I—XI глав; вместе с ними для сличения была представлена и рукопись, о которой идет речь.[4] Произведя сличение, цензор А. В. Никитенко, по-видимому, удержал ее в делах комитета, а Вяземский не востребовал оригинал, уже не нужный ему после выхода печатного издания (занятый подготовкой к печати последней главы книги и приложений, Вяземский задержал ее выход до 1848 г.). Таким образом, рукопись осталась в фонде Санктпетербургского цензурного комитета по случайным причинам.

Как известно, Вяземский закончил свою работу в первом варианте уже в декабре 1830 г. В дальнейшей полной переработке подверглись последние главы книги; в первые главы были внесены лишь некоторые изменения. Тогда же, в декабре 1830 г., он знакомит со своим трудом Пушкина, посетившего его в Остафьеве, о чем позднее он вспоминал в «Автобиографическом введении».[5] Весной 1832 г. Вяземский внес в текст своего труда ряд исправлений; по-видимому, перед этим он дал рукопись для прочтения нескольким литераторам, в том числе и Пушкину. Результатом этого чтения были многочисленные рецензентские пометы на полях рукописи; часть их Вяземский учел и внес в текст соответствующие исправления. В 1833 г. он публикует одну из глав в «Альционе на 1833 год» уже по исправленному тексту. Таким образом, пометы в основной своей части сделаны во всяком случае не позднее 18 октября 1832 г. (дата цензурного разрешения «Альционы»).

Сличение почерков позволило с большой степенью вероятности утверждать, что, кроме Пушкина, рукопись читали П. А. Плетнев, А. И. Тургенев, К. С. Сербинович. Несколько помет сделано неизвестными лицами; в ряде случаев атрибуция оказывается предположительной из-за недостаточности графического материала. Рука Пушкина удостоверяется, впрочем, не только анализом почерка: обнаружен отдельный листок с замечаниями П. А. Плетнева: в нем есть ссылка на «замечание Пушкина».[6]

Пушкину принадлежит более тридцати словесных помет, как правило, чрезвычайно лаконичных, по форме очень близких его замечаниям на полях статьи Вяземского о жизни и сочинениях Озерова. Кроме того, Пушкиным, несомненно, сделаны некоторые отчеркивания и исправления в тексте и пометы «

По своей проблематике, функции и характеру пометы эти условно делятся на несколько групп. Одна группа призвана дополнительно документировать книгу Вяземского ссылками на источники, круг которых широк и разнообразен — здесь записки

[4] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, № 39, лл. 135 об. — 136.

[5] П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. I. Изд. С. Д. Шереметева, СПб., 1878, стр. LI.

[6] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1151, л. 5.

lib.pushkinskijdom.ru

Казановы, сочинения Мерсье и Стерна, прозаические и драматические произведения Вольтера и т. д. Интересны ссылки на семейное предание о Фонвизине. Из них выясняется, в частности, личное знакомство с Фонвизиным отца поэта С. Л. Пушкина, а также то обстоятельство, что рассказы М. А. Ганнибал были для Пушкина источником некоторых сведений о ранних постановках «Недоросля» («Бабушка моя, — пишет Пушкин, — сказывала мне, что в представлении „Недоросля“ в театре бывала давка — сыновья Простаковых и Скотининых, приехавшие на службу из степных деревень, присутствовали тут и следств.<енно> видели перед собою близких и знакомых, свою семью»).[7]

Значение этих помет много шире их непосредственного содержания. Они не просто еще раз подтверждают общеизвестную широкую осведомленность Пушкина в вопросах литературной и политической истории Западной Европы, но в ряде случаев позволяют сделать некоторые наблюдения над самыми принципами пользования источниками у Пушкина и хорошо иллюстрируют его понимание исторического документа. По этим пометам мы можем судить, что некоторые памятники истории и быта XVIII столетия, например записки Казановы, имели для Пушкина большее значение, чем предполагалось ранее.

Другую группу составляют пометы, касающиеся заграничных писем Фонвизина. Они более развернуты и почти все полемичны, являясь отголосками спора о современных политических проблемах. О них Вяземский упоминал в «Автобиографическом введении». Полемика концентрируется вокруг нескольких узловых пунктов: сравнительная оценка социальной жизни России и Западной Европы (Пушкин возражает против безоговорочного предпочтения последней, к чему склонен Вяземский), проблема социальной зависимости и свободы писателя (конкретно речь идет о французских энциклопедистах), наконец, вопрос об интерпретации самих писем Фонвизина, которые в понимании Пушкина не выглядят столь тенденциозными, как это стремится показать Вяземский, и, в частности, не содержат безусловного осуждения энциклопедистов и Вольтера («О Вольтере, — пишет Пушкин, — Ф.<он> В.<изин> везде отзывается не только с уважением, но и с явной симпатией»).

Особая и очень важная группа — пометы, не содержащие или почти не содержащие пушкинского текста. Это подчеркивания в тексте Вяземского, отметка фрагментов его значком «№» или словом «прекрасно». Пушкин отмечает те места книги, которые соотносятся с его собственными философско-историческими представлениями, мыслями о своеобразии русского исторического

---

[7] Публикацию этой пометы с комментарием см.: В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Неизвестные строки Пушкина. «Наука и жизнь», 1967, № 1, стр. 135—137.

lib.pushkinskijdom.ru

процесса и концепцией русской литературы XVIII века. В ряде случаев соображения Вяземского стимулируют дальнейшие размышления Пушкина над этими проблемами и в развитом и переработанном виде попадают в позднейшие критико-публицистические статьи Пушкина, в том числе в статью «Александр Радищев». Эта группа помет позволяет точнее определить черты близости в позициях Пушкина и Вяземского начала 1830-х годов и проливает свет на эволюцию мировоззрения Пушкина.

Наконец, последняя группа — стилистические исправления.

Новонайденный автограф Пушкина дает в руки исследователей первостепенный по важности материал. Полная публикация его с описанием, исследованием и комментарием подготовлена нами, под редакцией Н. В. Измайлова, для отдельного издания Пушкинской комиссии; однако всестороннее изучение его станет возможным лишь в результате коллективных усилий пушкиноведов.

lib.pushkinskijdom.ru

П. М. КАЗАНЦЕВ

К ИЗУЧЕНИЮ «РУССКОГО ПЕЛАМА» А. С. ПУШКИНА

В последние годы жизни А. С. Пушкин многократно обращался к работе над большим прозаическим произведением — романом из русской жизни, известным под условным названием «Русский Пелам». Преждевременная гибель поэта не позволила завершить замысел. Из сохранившихся планов и набросков романа видно, что Пушкин предполагал дать широкую картину жизни русского общества 20-х годов прошлого века в различных его социальных сферах. В качестве прототипов героев, их «живых натур» в планах фигурируют многие исторически примечательные личности того времени: адмирал Н. С. Мордвинов, граф В. П. Кочубей, А. С. Грибоедов, декабристы Н. Муравьев, С. Трубецкой, И. Долгорукий и другие, хорошо знакомые А. С. Пушкину. Жанровым прообразом пушкинского романа-эпопеи послужил роман английского писателя Э. Бульвер-Литтона «Пелэм, или Приключения джентльмена», вышедший в 1828 г. По словам П. В. Анненкова, первого исследователя литературного наследия поэта, А. С. Пушкин «обратил на него (т. е. роман Бульвера, — *П. К.*) свое внимание, заинтересованный интригой, которая напомнила ему многое из того, что он сам видел на веку своем».[1]

«Русский Пелам» привлекал внимание многих литературоведов как в прошлом, так и в наше время. Этому пушкинскому замыслу посвящены обстоятельные работы, в которых исследованы различные аспекты произведения, в том числе характеристики прототипов героев.[2] Некоторые подробности замысла, однако,

[1] П. В. Анненков. Литературные проекты А. С. Пушкина. «Вестник Европы», 1881, № 7, стр. 33.

[2] С. И. Поварнин. «Русский Пелам» А. С. Пушкина. В кн.: Памяти А. С. Пушкина. Сборник статей преподавателей и слушателей историко-филологического факультета Петербургского университета. СПб., 1900, стр. 329—350; В. Ф. Переверзев. Пушкин в борьбе с русским плутов-

lib.pushkinskijdom.ru

еще не были объяснены. Так, об одном из них, означенном в планах «кня. Хов» и «княг. Хованская», М. А. Цявловский коротко замечает: «...конечно, княгиня Хованская, но кто именно, сказать не можем».[3]

Документы фонда Всеволожских в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИА) и Пожевского завода[4] в Государственном архиве Пермской области (ГАПО), остававшиеся вне поля зрения исследователей, позволяют раскрыть подлинное имя прототипа героини романа Анны Петровны Вирлацкой — «Хованской», ее связи с «домом Всеволожских». Вместе с тем документы эти позволяют установить много общих черт жизни «дома Всеволожских» с характеристикой семейного быта главного героя произведения — Пелымова, т. е. дают возможность ознакомления с теми реально-бытовыми источниками, которые были положены в основу пушкинского замысла.

В период с 1817 по 1820 г., т. е. по окончании лицея и до ссылки на юг, в творческой жизни А. С. Пушкина большое значение имели личные связи поэта с революционно настроенной частью петербургского общества, будущими декабристами. В одной из полуконспиративных ячеек декабристского «Союза благоденствия», известной под именем общества «Зеленая лампа», Пушкин принимал деятельное участие. Учредителем общества «Зеленая лампа», как значится в материалах следственной комиссии по делу декабристов, был Никита Всеволодович Всеволожский (1799—1862).[5] В столичном доме Всеволожских (ныне проспект Римского-Корсакова, № 35, в Ленинграде) и собирались участники общества на свои заседания. В конце 1820 г. общество «Зеленая лампа» прекратило свое существование.[6] В период выступления декабристов в 1825 г. Н. Всеволожский находился на Кавказе, участия в движении не принимал.

ским романом. В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 164—188; Е. Гладкова. Прозаические наброски Пушкина из жизни «света». В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 6. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 305—322; А. В. Чичерин. 1) Пушкинские замыслы прозаического романа. «Ученые записки Львовского университета им. И. Франко», т. XXIV. Литературно-критический сборник, вып. 2. Львов, 1953, стр. 70—100; 2) Возникновение романа-эпопеи. Изд. «Советский писатель». М., 1958, стр. 57—110; Н. Л. Степанов. Проза Пушкина. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 123—127.

[3] Тексты Пушкина. Транскрипция и комментарий М. А. Цявловского. «Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина», вып. III. Изд. «Academia», [М.], 1934, стр. 38.

[4] Пожевский (Пожвинский) железоделательный и чугуноплавильный завод расположен на р. Каме, в 150 км выше Перми. Основан в 1754 г. В первой четверти XIX в. являлся одним из технически передовых предприятий России.

[5] Восстание декабристов, т. VIII. Центроархив, Л., 1925, стр. 60.

[6] Б. Томашевский. Пушкин, кн. 1 (1813—1824). Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 200.

lib.pushkinskijdom.ru

Знакомству Пушкина с Н. Всеволожским способствовала их совместная служба в Коллегии иностранных дел, где с ноября 1816 г. в качестве актуариуса числился Н. Всеволожский. Общие театральные и литературные интересы сблизили сверстников, и Пушкин становится постоянным гостем Всеволожских. Юных «поклонников Мельпомены и Терпсихоры» связывали узы искренней дружбы. Отзвуками ее наполнено послание поэта «Н. Всеволожскому» (1819). О дружеских отношениях с Н. Всеволожским неоднократно упоминается в переписке Пушкина. В письме А. А. Бестужеву от 29 июня 1824 г. поэт называет Н. Всеволожского «лучшим из минутных друзей моей минутной младости». Из письма Пушкина Н. Всеволожскому, отправленному из Михайловского в октябре 1824 г., можно видеть, что друзьям были хорошо знакомы многие интимные стороны жизни обоих: «Не могу поверить, чтоб ты забыл меня, милый Всеволожский, — ты помнишь Пушкина, проведшего с тобой столько веселых часов, — Пушкина, и пьяного и влюбленного, не всегда верного твоим субботам, но неизменного твоего товарища в театре, наперсника твоих шалостей, Пушкина, отрезвившего тебя в страстную пятницу и приведшего тебя под руку в церковь театральной дирекции, да помолишься господу богу и насмотришься на госпожу Овошникову (танцовщица, возлюбленная Н. В. Всеволожского, — *П. К.*)».

За противоречивые черты характера, в котором сочетались фат и философ, любитель наслаждений и моралист, Н. Всеволожского в кругу друзей, как это делает и А. С. Пушкин в помянутом письме к А. А. Бестужеву, называли «Аристипп Всеволодович».

Примечательно, что Бульвер, характеризуя своего Пелэма называл его «нечто вроде Аристиппа в ограниченном масштабе».[7]

Как знать, не было ли воспоминание о друге юности «Аристиппе Всеволодовиче» первым толчком к осмысливанию образа русского Пелама? А почему бы не быть? Не случайно же в раздел «Характеры» второго плана романа Пушкин вписывает выше основного текста имена Н. Всеволожского и его возлюбленной Овошниковой.[8] Характеристика «дома Всеволожских», даваемая в комментариях к «Русскому Пеламу», весьма ограничена. Поминается, что это «семья очень богатого помещика <...> камергера Всеволода Андреевича Всеволожского <...>, культурный, оживленный дом которого привлекал большое общество».[9] Поэтому о доме Всеволожских есть необходимость сказать подробнее, ибо это позволит понять значение и место его в планах пушкинского

[7] Э. Бульвер-Литтон. Пелэм, или Приключения джентльмена. Гослитиздат, М., 1958, стр. 38.

[8] Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VIII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 973—976. (Планы).

[9] Труды библиотеки СССР им. Ленина, вып. III, стр. 39.

lib.pushkinskijdom.ru

замысла. Фамилия Всеволожских с давних пор встречается в российских государственных и исторических актах. По «Бархатной книге», род Всеволожских ведется от князей Смоленских, потомков легендарного Рюрика. Истории известны многократные возвышения и низвержения этого рода. Последнее возвышение Всеволожских связано с приходом к власти Екатерины II. Три брата — Всеволод, Илья и Сергей Алексеевичи Всеволожские — принимали участие в дворцовом перевороте в июне 1762 г. и были щедро одарены новой императрицей.

Отец Никиты Всеволожского — Всеволод Андреевич (1769—1836) — был сыном пензенского воеводы Андрея Алексеевича Всеволожского, погибшего в 1774 г. при взятии города войсками Пугачева. А. С. Пушкин, знавший хорошо историю нескольких поколений Всеволожских, смерть воеводы Андрея Всеволожского описал в восьмой главе «Истории Пугачева». В 1797 г. Всеволод Андреевич Всеволожский унаследовал от бездетного дяди Всеволода Алексеевича огромное Пермское имение, состоявшее более чем из 600 тыс. десятин земельных угодий, Усольских соляных промыслов, Пожевского чугунолитейного и железоделательного завода.[10] Став таким образом одним из крупнейших уральских землевладельцев-заводчиков, он вышел в отставку, однако до осени 1812 г. продолжал постоянно проживать в Москве. С приближением армии Наполеона покинул Москву и переехал первоначально в Казань, а оттуда на Урал, в заводской поселок Пожву, где и находился до осени 1817 г. Во время пребывания на Урале на его Пожевском заводе в 1816 г. было введено впервые в России газовое освещение заводских мастерских; в 1815—1817 гг. построены первые пароходы Волжско-Камского бассейна, в 1817 г. осуществлены первые отечественные опыты получения ковкого металла по способу пудлингования. Вклад уральских мастеров в развитие русской техники способствовал Всеволожскому завоевать широкую известность как прогрессивного предпринимателя. В 1818 г. В. А. Всеволожский поселился в Петербурге и до последних дней своих проживал в столице или в близ расположенном имении Рябово (ныне город Всеволожск Ленинградской области). Род Всеволожских не мог не привлечь внимания Пушкина обилием материала для показа частной жизни в неразрывной связи с историей русского народа. От рюриковичей, князей Смоленских, и до энергичных предпринимателей XIX в. — таков широкий диапазон, открывшийся перед автором, в котором смена поколений этой фамилии носила подлинно исторический смысл.

Помимо всего, В. А. Всеволожский был страстный театрал, которого в 1805—1807 гг. прочили на должность директора Московских театров. Как свидетельствует С. П. Жихарев в своем

[10] ГАПО, ф. 176, д. 41, лл. 1—4.

lib.pushkinskijdom.ru

дневнике «Воспоминания старого театрала», впервые опубликованном в 1854 г., у В. А. Всеволожского еще в 1806 г. имелся хор и оркестр, пользовавшиеся широкой известностью у московской публики.[11] В бытность на Урале Всеволожский содержал домашний театр, на сцене которого ставились пьесы, шедшие в то время в столице. С переездом В. А. Всеволожского в Петербург крепостной театр обосновался в Рябове. Это имение, на благоустройство которого были израсходованы огромные средства, в 20-е годы прошлого столетия посещали многие выдающиеся деятели культуры и искусства. На музыкальные вечера, в которых часто принимали участие известные русские композиторы А. А. Алябьев и А. Н. Верстовский, съезжался весь аристократический Петербург. Неизменным успехом пользовались и театральные представления.[12]

Пышные приемы, богатые приношения, в том числе и членам царствующей фамилии, создали В. А. Всеволожскому славу богатого аристократа, располагавшего огромными средствами. В действительности же финансовые дела Всеволожских в начале XIX в. находились в самом плачевном состоянии. Долг в полтора миллиона рублей, перешедший на В. А. Всеволожского с наследованием Пермского имения, к концу его жизни достиг четырех с лишним миллионов, превышая стоимость всей движимой и недвижимой собственности.[13]

Из архивных документов можно видеть, что Всеволожские подчас оставались буквально без гроша. Так, в письме к сыну Александру от 1 мая 1817 г. В. А. Всеволожский сетует на полное безденежье, лишавшее его возможности поехать на Нижегородскую ярмарку: «Я здесь не сплю, тружусь, хлопочу, беспокоюсь, дабы обеспечить себя и благосостояние свое сколько возможно скорее; при всем недостатке денег выполняю контракт, составляющий 1 027 000 рублей. Между тем как не имею теперь налицо денег ни гроша; если б вздумал ехать на ярмарку, то и на прогоны даже не буду их иметь. Как же после сего могу решиться отсюда выехать? Разве тогда, как успею отстроить стимботы (пароходы, — *П. К.*), коих делаю ныне два и которые не потребуют прогонов...».[14]

Но вся эта горькая действительность тщательно скрывалась от сторонних глаз показным благополучием. Нельзя не усмотреть многих точек соприкосновения в судьбах героя пушкинского романа Пелымова и Никиты Всеволожского. В первой и единственной написанной главе «Русского Пелама» его герой, от имени

---

[11] С. П. Жихарев. Записки современника. Т. II. Воспоминания старого театрала. Изд. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 35, 177.

[12] В. И. Громов, Л. А. Файнштейн. Памятные места Ленинградской области. Лениздат, 1959, стр. 326—327.

[13] ГАПО, ф. 176, д. 140, л. 71; ЦГИА, ф. 652, оп. 1, д. 986, лл. 89—90.

[14] ЦГИА, ф. 652, оп. 1, д. 943, л. 23.

lib.pushkinskijdom.ru

которого ведется повествование, рассказывает о жизни отца: «...отец мой жил не хуже графа Шереметева, хотя был ровно в двадцать раз беднее. Москвичи помнят еще его обеды, домашний театр и роговую музыку».

Характеризуя В. А. Всеволожского в московский период жизни, С. П. Жихарев пишет, что это «человек богатый, гостеприимный, живет барином, на открытую ногу, страстный охотник до музыки, имеет собственный оркестр, любитель театра и всяких общественных увеселений».[15]

О жизни В. А. Всеволожского на Урале сообщает А. В. Дуров, отец героини Отечественной войны 1812 г. Надежды Дуровой, в письме к П. А. Вяземскому от 23 января 1817 г.: «Я был в гостях у Всеволода Андреевича на заводе его: правда, что живет по-герцогски. Прожил 10 дней во всех удовольствиях — театры, маскарады, балы, концерты, а любезность хозяина все, кажется, превышала».[16]

Итак, отец Пелымова, как и В. А. Всеволожский, — большой московский барин, имевший домашний театр и «роговую музыку». Потерпев денежную катастрофу, скрываемую от окружающих, он отзывает сына из-за границы для определения на службу. И Никита Всеволожский, в силу денежных затруднений семьи, 17 лет был вынужден поступить на службу в Коллегию иностранных дел.

Молодой Пелымов, как следует из третьего пушкинского плана, «чтобы заработать на жизнь, переводит водевили». Подобное можно сказать и о юном Всеволожском. Им были переведены с французского водевиль «Каролина», комедия «Две говорящие картины» и другие театральные произведения. В 1820 г., совместно с драматургом Н. И. Хмельницким, написан водевиль «Актеры между собой, или Первый дебют актрисы Троепольской».[17]

Театральные интересы Пелымова, по пушкинскому плану, связаны с литературным салоном А. А. Шаховского, возглавлявшего репертуарную часть императорских театров. Постоянными участниками встреч у Шаховского были упоминаемый в планах Пушкина А. С. Грибоедов и другие выдающиеся драматурги, писатели и актеры того времени. В этом же кругу вращался и Н. Всеволожский. Современник событий Пимен Арапов в «Летописи русского театра» писал: «У князя Шаховского съезжались постоянно по вечерам драматические писатели: Грибоедов, друг Грибоедова Д. Н. Бегичев, живший с ним А. А. Жандр, Хмельницкий, Лобанов, Кокошкин, Я. Н. Толстой, Катенин, Алекс. Сер. Пушкин, Барков, Алекс. Бестужев, Всеволожский и

[15] С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 35.

[16] Надежда Дурова. Записки кавалерист-девицы. Татарское книжное изд., Казань, 1960, стр. 184.

[17] Б. Томашевский. Пушкин, кн. 1, стр. 215.

lib.pushkinskijdom.ru

несколько первоклассных артистов составляли постоянно его беседы...».[18]

О начале своего знакомства с А. А. Шаховским Никита Всеволодович сообщал отцу 10 апреля 1817 г.: «Я познакомился с Шаховским, главным директором театров, человек прелюбезный и преумный...».[19] Таковы сходственные черты биографий героя «Русского Пелама» и Н. Всеволожского.

Кто же была «княгиня Хованская», прототип Анны Петровны Вирлацкой? Ее характеристика дается Пелымовым в рассказе об отце: «Он вошел в связь с женщиной, известной в свете своей красотою и любовными похождениями. Она для него развелась со своим мужем, который уступил ее отцу моему за десять тысяч, и потом обедывал у нас довольно часто. Мать моя знала все и молчала. Душевные страдания расстроили ее здоровье. Она слегла и уже не встала». А ниже повествуется о том, как виновница смерти матери оказалась в роли мачехи и хозяйки: «Года два после смерти матери моей Анна Петровна Вирлацкая, виновница этой смерти, поселилась в его доме. Она была, как говорится, видная баба, впрочем, уже не в первом цвете молодости».

Обратимся к интимной жизни семейства Всеволожских. В 1790 г. В. А. Всеволожский, в то время небогатый гвардейский подпоручик, вступил в брак с дочерью астраханского наместника Никиты Афанасьевича Бекетова — Елизаветой Никитичной, получив за нею по «рядной крепости» Чернорынские рыбные промыслы (Астраханской губ.) и 100 тыс. руб. деньгами и драгоценностями. От этого брака у них было трое детей: два сына — Александр (1793) и Никита (1799) — и дочь Мария (в замужестве Сипягина). 18 апреля 1810 г. Елизавета Никитична умерла.[20] Но еще при ее жизни Всеволод Андреевич вошел в любовную связь с княгиней Екатериной Матвеевной Хованской, урожденной Пекен. Обстоятельства этой связи, перешедшей со временем из скрытой в явную, раскрывают прошения ея мужа — князя Петра Алексеевича Хованского — на имя Александра I и московского военного губернатора Ф. В. Растопчина по тяжбе с тестем Матвеем Христиановичем Пекеном.[21] В 1810 г. П. А. Хованский, «ослепленный любовью к недостойной жене», выдал доктору медицины действительному статскому советнику М. Х. Пекену доверенность на «полное управление всем движимым и недвижимым имением без всякого требования от него отчетов». В следующем, 1811 г., П. А. Хованский подписал «до-

---

[18] Пимен Арапов. Летопись русского театра. СПб., 1861, стр. 274.
[19] ЦГИА, ф. 652, оп. 1, д. 942, л. 169.
[20] ГАПО, ф. 176, д. 316, л. 149.
[21] ЦГИА, ф. 652, оп. 1, д. 45. Прошения Петра Алексеевича Хованского и Матвея Христиановича Пекена на имя Александра I и московского военного губернатора по тяжебному между ними делу о вверенных Хованским в управление Пекену имениях.

lib.pushkinskijdom.ru

полнительное условие», по которому полностью отрешал себя от вмешательства в управление имением «до заплаты всех долгов», на нем состоявших.

Таким образом, П. А. Хованский по слабохарактерности способствовал лишению себя права управления принадлежавшими ему имениями и оказался в полной зависимости от жены и тестя. Дальнейшие события, о которых П. А. Хованский в августе 1814 г. пишет в жалобе на имя Александра I, таковы: «В скором времени после дачи от меня условия, жена моя, прижившая со мною шесть человек детей, оставя при мне пятерых и седьмым беременная, съехала от меня в дом отца своего, который, забыв священный долг родителя, не токмо не поспешествовал нашему паки соединению, но даже ежедневно принимал к себе в дом к своей дочери, а моей жене, обольстителя ея камергера Всеволожского, а в 1812-м году, перед самым вторжением неприятеля в Москву, он, Пекен, с преступною дочерью своею и Всеволожским вместе выехали из Москвы в Казань, где уже и оставил он жену мою совершенно в руках обольстителя».[22]

В 1813 г. Е. М. Хованская через посредство отца пыталась получить развод: «Возвратясь в Москву, — пишет ниже в жалобе П. А. Хованский, — Гн. Пекен не устыдился предложить мне о разводе с его дочерью, дабы она могла выйти замуж за г-на Всеволожского, требовал себе даже детей моих, обещался через дочь свою доставить им состояние. Получа на сие от меня отказ, раздраженный оным, предпринял он в отмщение совершенно меня разорить и под предлогом необходимости для заплаты долгов имение мое <...> продать за самую низкую цену».[23]

В действительности уход княгини Хованской к Всеволожскому, надо полагать, обстоял несколько иначе. В объяснении по данному делу от 25 октября 1813 г., адресованном московскому военному губернатору, М. Х. Пекен отвергает свою виновность в разлучении супругов: «В опровержение сего, — писал Пекен, — имею честь донести, что я нимало не содействовал в разлучении его с дочерью моею, которая (т. е. разлука, — *П. К.*) последовала по общему их на то между собою согласию; в чем свидетельствуюсь родным его братом князем Васильем Алексеевичем Хованским, который по сему предмету был между ними посредником».[24] Связь В. А. Всеволожского с княгиней Е. М. Хованской длилась до кончины Всеволожского. Позднее, уступая мнению света, для прикрытия сожительства видимостью родственных отношений, Н. В. Всеволожский в 1825 г. был обручен со старшей дочерью Е. М. Хованской — княжной Варварой Петровной. Мы не располагаем данными, за какую сумму П. А. Хованский

---

[22] Там же, л. 1 об.
[23] Там же, л. 2.
[24] Там же, л. 19.

lib.pushkinskijdom.ru

переуступил свою жену В. А. Всеволожскому, хотя из документов известно, что впоследствии он не только «обедывал часто» в доме Всеволожских, но и расходы по воспитанию детей Хованских, как и содержание самого князя, входили в домашние расходы Всеволожских. Сохранились письма и расчеты расходов по содержанию детей княгини — Алексея и Александра Хованских — в Горном кадетском корпусе за 1825 г.[25] В расходных ведомостях по петербургскому дому Всеволожских за февраль месяц 1827 г. значится: «Выдано на домашние расходы князю П. А. Хованскому 350 руб.», а ниже — «на содержание семейства князя Петра Алексеевича — 500».[26] Кажется тут нет необходимости говорить об аналогиях семейного быта Пелымовых и Всеволожских.

Задержим внимание на характеристике княгини Хованской как женщины, «известной в обществе своей красотой и любовными похождениями». И до, и после сближения с В. А. Всеволожским Е. М. Хованская не чуждалась других увлечений. Поэтому Всеволожский, зная эту слабость, принимал меры по надзору за поведением своей любовницы. Так, в декабре 1817 г. В. А. Всеволожский выезжал из Москвы, где оставалась княгиня, в Петербург. Из сохранившейся переписки Е. М. Хованской, сопоставления ее с другими источниками можно видеть ложь и лицемерие любовницы, прикрывавшиеся словесной нежностью и любовью.[27]

Приведем две выдержки из писем Е. М. Хованской к В. А. Всеволожскому. От 4 декабря 1817 г.: «Мы время проводим, как ты можешь представить, довольно скучно и грустно, по крайней мере я. Я бываю всегда дома, а вечера у папеньки. Потащили меня почти силою в Институт на бал, где я сидела почти с слезами на глазах от разных воспоминаний, и могу сказать, что глядела, но ничего не видела и мысленно была не в зале, но на Петербургской дороге и в самом Петербурге».[28]

От 10 декабря 1817 г.: «Не стану описывать тебе, сколько раз я твое письмо читала и какими горькими слезами его омывала. Ты, зная мою к тебе любовь, легко можешь этому поверить...».[29] А вот что пишет о том же периоде жизни Е. М. Хованской, прослеживая буквально день за днем, доверенный Всеволожского, домашний лекарь Ф. Правдолюбов (кстати, не лишенный чувства простонародного юмора и сарказма), в своем донесении от 13 декабря 1817 г.: «В субботу декабря 1-го дня княгиня К. М. (т. е. Катерина Матвеевна, — *П. К.*) казалась, что

---

[25] ЦГИА, ф. 652, оп. 1, д. 1071, лл. 35—43.
[26] Там же, д. 967, лл. 23—25.
[27] ЦГИА, ф. 652, оп. 1, д. 25, 1817 г. В архивной описи ошибочно значатся как письма жены В. А. Всеволожского Елизаветы Никитичны.
[28] Там же, л. 1.
[29] Там же, л. 5.

lib.pushkinskijdom.ru

находится в большой скуке и печали, но не знаю сие было ли истина или притворно. 2-го декабря княгиня К. М. жестоко расхохорившись изволила быть в Ассамблее Института благородных девиц. Была с нею и сестра, разряженная пуще нюрнбергской куклы; да и матушка расфорафонилась тогда больно много. Сказывают, что метали они из очей своих тьму убийственных стрел, коими поражали всех присутствующих. Число убитых, жестоко раненых и навек в плен взятых — неизвестно. 3-го числа княгиня К. М. изволила ездить по лавкам и магазинам, а точно где была, я не знаю. 4-го числа княгиня К. М. со всеми домашними изволила проводить вечер и ужинать в наемном вашем на Остоженке доме, играла там и духовая музыка, что весьма обрадовало живущего в этом доме старого инвалида. 5-го числа княгиня К. М. с матушкою и сестрою изволила посещать модные лавки и магазины и тратить много денег».[30]

Не довольствуясь получением сведений через посредников, Правдолюбов попытался во всем убедиться воочью. Вот что он пишет о личной встрече с княгиней: «6-го числа я, желав узнать обстоятельно о жизни и бытии княгини К. М., ввечеру в шесть часов с трудом вкарабкался по лестнице и многим коридорам во внутренние покои чертогов ваших. Думал я найти там всех в унынии и печали по случаю отъезда вашего превосходительства, напротив же нашел я все комнаты битком набитые молодыми войнами и рыцарями <...>. Княгиня К. М., проникнув тотчас мое намерение, старалась всеми мерами ублажить и подкупить меня, поднесла мне прекрасного цветочного чаю, но я выпил оного не более двенадцати чашек с бисквитами, потом потчивали меня вареньем и пуншем на здоровье ваше, в чем я не смел отказаться, потом, плотно поужинав <...>, поехал домой».[31]

Как и следовало ожидать, княгиня решила избавиться от надзора, на что Правдолюбов принял более радикальные меры: «7, 8, 10 числа, — сообщает ниже доверенный, — княгиня К. М. с матушкой и сестрицею изволили паки с утра до вечера рыскать по всей Москве, не давая мне ни в чем ответу. Для прекращения такового ужасного зла принужденным я себя нашел приклеить княгине К. М. <...> две шпанские мухи длиною в пол-аршина, а шириною в четверть, что ее весьма усмирило, ибо она 11 и 12 числа просидела дома на софе своей, и еще по крайней мере целую неделю или более не будет стоять на ногах и смиренно сидеть дома, что для блага и спокойствия духа вашего превосходительства необходимо нужно...».[32]

Мы не будем приводить многочисленных документов, показывающих, что княгиня Хованская «расточает деньги Всево<ложского>» старшего. Из пятидесяти писем, направленных Е. М. Хо-

[30] ЦГИА, ф. 652, оп. 1, д. 35, лл. 1—1 об.
[31] Там же, лл. 1 об.—2.
[32] Там же, лл. 2—2 об.

lib.pushkinskijdom.ru

ванской В. А. Всеволожскому во время ее заграничной поездки в 1834—1835 гг., почти в каждом содержится или просьба об очередной высылке денег, или благодарность за полученный «кредитив».[33]

Наиболее выпукло демонический образ этой женщины, зловеще тяготевший над семейством Всеволожских, выступает в письме Н. В. Всеволожского к Е. М. Хованской от 13 января 1834 г.,[34] т. е. совпадающем по времени с разработкой Пушкиным планов произведения. Приведем выдержки из этого пространного письма: «Двадцать пять лет, — писал Н. В. Всеволожский, — протекло горестной и бурной жизни без всякого обращения с вашей стороны внимания на мрачные последствия, сопровождавшие безнравственную их цель. Два семейства обречены носить печать позора! Связь ваша с родителем моим отвлекла вас от обязанностей своих. По смерти матушки нашей, вы перебросились в чуждое для вас семейство и приняли на себя решимость пожертвовать драгоценнейшим даром в мире — детьми и честью, ‹чтобы› проживать с отцом нашим. Мы все были в то время еще в юных летах и безгласны в несчастьи! Время летит, а с ними и года: мы выросли, возмужали, сделались отцами семейств и все изменилось, кроме решимости вашей проживать с отцом нашим...».

Далее Н. В. Всеволожский поясняет мотивы своего бракосочетания с В. П. Хованской: «По выходе из казенных учебных заведений дочерей ваших одна из них обратила мое сердце и чувства, я искал руки ее, страсть моя к ней была законная и еще более священная, что с соединением моим с ней омывалось пятно, нанесенное вашему семейству. Вы согласились на наш брак, жертвуя единожды навсегда надеждой быть соединенной с отцом моим законными узами, отреклись благочестием от тайного с ним союза. Отец жены моей и ваш супруг, будучи тогда в живых, и хотя в раздоре с вами, но и он возрадовался нравственной от вас сей перемены; а родителю моему проглянул луч светлой надежды успокоить сею жертвою рану души». Однако «последующие действия помрачили порывы столь явной добродетели! Вы не прекратили сию связь, одни слова, и все осталось по-прежнему!».

Став полновластной хозяйкой в доме, Е. М. Хованская не преминула использовать свое влияние на В. А. Всеволожского с целью удаления наследников от управления имением. «В недавнем времени, — пишет ниже Н. В. Всеволожский, — отец призывал нас к себе на помощь в управлении его делами, но вы, будучи непосредственно вмешаны в оные, удалили его от нас, ослабили его к нам доверенность, он сделался к нам холоден,

---

[33] ЦГИА, ф. 652, оп. 1, д. 37.
[34] Там же, д. 43, лл. 1—3 об.

lib.pushkinskijdom.ru

а мы, покоряясь его желанию, исполнили ваше: вовсе и от всего отстранившись...».

Изложив все невзгоды, выпавшие на оба семейства, напомнив о ложности положения в свете жены своей, Н. Всеволожский в конце письма еще раз призывает княгиню к благоразумию: «Теперь обращаюсь к вам окончательно, как ближайший родной, как зять ваш, но не с советом (ибо знаю, что не имею сего права), а как по совести долженствующий вас предупредить. Грозная туча висит над головами нашими, не дожидайтесь, чтоб она рассеклась: она будет вредна для всех нас. Между тем дела родителя приходят час от часу в худшее положение, всякий взрыв не может быть для вас выгоден. Вам надобно для свету, для сего строгого судьи, удалиться и не проживать вместе с батюшкой...», что единственно «может спасти оба семейства наши». Никакие просьбы и увещания, ни преждевременная смерть дочери Варвары Петровны,[35] истолкованная окружающими как «кара божия за грех матери», не поколебали намерений княгини. С холодным, не материнским сердцем встретила она сообщение о безнадежном положении Вареньки: «Стараюсь сколько в силах с твердостью встретить жестокий удар, ежели по воле всевышнего он распорядится ее жизнью»,[36] — писала Екатерина Матвеевна В. А. Всеволожскому. Вместе с тем свои денежные интересы Е. М. Хованская сумела обеспечить и по смерти В. А. Всеволожского. Духовным завещанием В. А. Всеволожский обязал сыновей в течение года по его смерти выкупить из залога петербургский дом Всеволожских, фиктивно числившийся как домовладение Хованской. Ей же перешло все многоценное имущество этого дома. «Сверх того, — завещал В. А. Всеволожский, — определяю ей на содержание по смерть ея в каждый месяц по 3000 рублей, начав выдачу со дня кончины моей, и платить всю сумму тридцать шесть тысяч рублей за год вперед при продаже в Нижегородской ярмарке железных товаров из первополучаемых в задаток денег поверенному, уполномоченному от нее, княгини Хованской, законной доверенностью, а в случае неисправного платежа со стороны моих наследников предоставляю право ей самой или ея поверенному остановить продажу железа».[37]

Пушкину, как уже поминалось выше, были хорошо известны как история рода Всеволожских, так и их интимная жизнь. Колоритный облик Е. М. Хованской, в интригах не уступавшей леди Фрэнсис, матери бульверовского Пелэма, не мог не привлечь внимания художника. Поэтому среди других «живых натур»

---

[35] 19 ноября 1834 г., на 28-м году жизни (Петербургский Некрополь, т. 1. СПб., 1912, стр. 500).

[36] ЦГИА, ф. 652, оп. 1, д. 37, л. 63.

[37] Там же, д. 986, лл. 89—90.

lib.pushkinskijdom.ru

в планы романа «Русский Пелам» и было проставлено имя княгини Е. М. Хованской.

В 1886 г. сын Н. В. Всеволожского — Андрей Никитич — издал книгу «Род Всеволожских».[38] Страницы книги, посвященные связям Пушкина с домом Всеволожских, писались, как пояснял автор, по воспоминаниям его отца. Однако о пушкинском замысле там сказано довольно кратко — приводится лишь выдержка из монографии о Н. С. Мордвинове: «Около 1835 г. он (Пушкин, — *П. К.*) задумал написать роман из современной русской жизни под заглавием „Русский Пелам", в подражание Пеламу Бульвера. Этот роман до того занимал Пушкина, что он вскоре написал план его и общую характеристику главных действующих лиц. Главное место в романе Пушкина предназначалось дому Всеволожских: около него были сгруппированы самые выдающиеся личности Петербургского общества двадцатых годов».[39] Дворянская щепетильность, стремление избежать необходимости «ворошить грязное белье», не позволила автору быть откровенным, приоткрыть «черное пятно» на доме Всеволожских. Документы, дошедшие до нас, во всей полноте раскрывают облик княгини Хованской, ее близость к дому Всеволожских, что значительно расширяет наши представления о замысле Пушкина.

---

[38] А. Н. Всеволожский. Род Всеволожских. Симферополь, 1886.
[39] В. С. Иконников. Граф Мордвинов. Историческая монография. СПб., 1873, стр. 439.

lib.pushkinskijdom.ru

Я. Л. ЛЕВКОВИЧ

К ЦЕНЗУРНОЙ ИСТОРИИ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗРУМ»

11 апреля 1835 года Пушкин написал Бенкендорфу следующее письмо: «Милостивый государь, граф Александр Христофорович. Пользуясь драгоценным своим правом, имею счастие повергнуть на рассмотрение его величества сочинение, которое весьма желал бы я напечатать, по причинам, объясненным в предисловии.

«Ободренный вниманием, коего вы всегда изволили меня удостоивать, осмеливаюсь просить ваше сиятельство о дозволении объяснить вам лично обстоятельство, собственно до меня касающееся».[1]

Результатом этого письма была встреча Пушкина с Бенкендорфом 16 апреля 1835 г. (см. письмо А. Н. Мордвинова к Пушкину от 15 апреля с приглашением на «завтра 16-го апреля, в 10 часов утра»[2]).

Письмо Пушкина содержит два вопроса, требующих разъяснения: во-первых, о каком его произведении идет речь, и, во-вторых, какое «обстоятельство» заставило его просить свидания у Бенкендорфа? Все комментаторы этого письма сходятся во мнении, что Пушкин имеет в виду «Анджело». Поэма впервые была напечатана в альманахе Смирдина «Новоселье» (ч. II, 1834, стр. 49—80) с цензурными искажениями, вызвавшими сильное раздражение Пушкина. Поправки были сделаны самим министром народного просвещения С. С. Уваровым, который незадолго перед тем занял этот пост. Одним из первых действий нового министра против Пушкина было распоряжение подчинить его сочинения общей цензуре (как известно, Николай I на аудиенции 8 сентября 1826 г. объявил поэту, что сам будет его цензором).[3]

---

[1] Акад., т. XVI, № 1046.

[2] Там же, № 1047.

[3] Подробнее об этом см.: Т. Зенгер. Николай I — редактор Пушкина. «Литературное наследство», т. 16—18, 1934, стр. 513—536.

lib.pushkinskijdom.ru

О конфликте Пушкина с Уваровым записал в своем дневнике цензор А. В. Никитенко: «Прежде государь сам рассматривал поэмы Пушкина. Теперь министр Уваров приказал мне поступать в отношении Пушкина на общем основании. Он сам прочел „Анджело“ и потребовал, чтобы несколько стихов были исключены... Этот урез сильно оскорбил поэта. Он взбесился».[4] В 1835 г. Пушкин готовил новое издание «Анджело» в составе «Поэм и повестей Александра Пушкина», ч. II (СПб., 1835); книга вышла в конце августа 1835 г.[5] По предположению комментаторов, в связи с этим новым изданием «Анджело» и написано приведенное выше письмо к Бенкендорфу.[6]

Такое предположение не согласуется, однако, с текстом письма. Речь идет о сочинении Пушкина, в предисловии к которому поэт объясняет причины, вызвавшие его публикацию. Подобным сочинением может быть только «Путешествие в Арзрум».[7] В предисловии к «Путешествию» Пушкин связывает его публикацию с книгой Виктора Фонтанье «Voyages en Orient, entrepris par les ordres du Gouvernement Français de 1830 à 1833. Deuxième voyage en Anatolie», где обращалось внимание на то, что «выдающийся поэт нашел на войне сюжет не поэмы, а сатиры». Это было равносильно обвинению Пушкина в политической неблагонадежности и требовало ответа. Кроме того, Пушкин был задет ироническим упоминанием Фонтанье о «бардах, находящихся в свите» Паскевича.[8]

Политический характер «Предисловия», имевшего для Пушкина особое значение, военно-историческое содержание самого «Путешествия», к тому же касавшееся деятельности любимца императора — Паскевича, — все это вынудило поэта, игнорируя распоряжение Уварова, воспользоваться данным ему в 1826 г. «драгоценным правом» обращаться непосредственно к цензуре

---

[4] А. В. Никитенко. Дневник, т. I. Гослитиздат, М.—Л., 1955, стр. 140.

[5] См.: Н. Синявский и М. Цявловский. Пушкин в печати. 1814—1837. Соцэкизд., М.—Л., 1938, стр. 126. — Цензурное разрешение подписано А. В. Никитенко 12 января 1835 г.

[6] См.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VI. Изд. «Academia», Гослитиздат, М.—Л., 1938, стр. 565; А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. X. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 636; А. С. Пушкин, Собрание сочинений, т. X. Гослитиздат, М.—Л., 1962, стр. 400.

[7] «Путешествие в Арзрум» было написано Пушкиным в 1829 г.; отрывок из 1-й главы под названием «Военная грузинская дорога. (Извлечено из путевых записок А. С. Пушкина)» он поместил, после цензуры Николая I, в «Литературной газете» (1830. № 8, 5 февраля). Подробнее см.: Т. Зенгер. «Николай I — редактор Пушкина».

[8] О важности для Пушкина предисловия к «Путешествию» свидетельствует его заключительная фраза: «Вот почему решился я напечатать это предисловие и выдать свои путевые записки, как все, что мною было написано о походе 1829 года» (Акад., VIII, стр. 444). Подробнее о смысле предисловия см.: Ю. Тынянов. О «Путешествии в Арзрум» (в кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 61—65).

lib.pushkinskijdom.ru

царя. Пушкин опасался, что рука нового министра может оказаться тяжелее, чем рука «августейшего цензора», который мог одним росчерком пера разрешить издание как печатающееся «с дозволения правительства» и избавить его от хождения по многим цензурным инстанциям.

Можно предположить, что, передавая «Путешествие» на просмотр Николаю, Пушкин хотел одновременно пожаловаться Бенкендорфу и на другие цензурные притеснения, чинимые ему со стороны Уварова и Дондукова-Корсакова. Именно такая жалоба содержится в неотправленном письме Пушкина к шефу жандармов, которое академическое издание датирует апрелем—маем 1835 г.: «Прошу извинения, но я обязан сказать вам все. Я имел несчастье навлечь на себя неприязнь г. министра народного просвещения, так же как князя Дондукова, урожденного Корсакова. Оба уже дали мне ее почувствовать довольно неприятным образом».[9] Письмо, как это видно из его содержания, написано по поводу задуманной Пушкиным и В. Ф. Одоевским газеты «Летописец». Издание газеты Пушкин связывал с вопросом о цензуре: «Вступая на поприще, где я буду вполне от них зависеть, я пропаду без вашего непосредственного покровительства. Поэтому осмеливаюсь умолять вас назначить моей газете цензора из вашей канцелярии». Однако жалоба на Уварова и Дондукова-Корсакова требовала обстоятельного объяснения. Ограничиться общими словами («навлек на себя неприязнь»; «уже дали мне ее почувствовать») было недостаточно. Необходимо было разъяснить, что речь идет, в сущности, о недоверии министра народного просвещения к цензуре царя. Но 11 апреля 1835 г. Пушкин попросил свидания у Бенкендорфа. 16 апреля это свидание состоялось, а после него отпала необходимость отсылки письма. Таким образом, письмо, напечатанное в академическом издании с датой «Апрель—май», должно датироваться «не позднее 11 апреля 1835 г.». Подтверждением такой датировки может служить также то обстоятельство, что ни в бумагах Пушкина, ни в архиве III Отделения не сохранилось документов, связанных с разрешением на издание газеты, о которой главным образом и идет речь в письме № 1065, или с отказом в таком разрешении. Между тем в подготовительном наброске к письму Бенкендорфу от 1 июня 1835 г.[10] Пушкин вспоминает и о своей просьбе издавать газету, и об отказе Николая. Это позволяет думать, что представление об издании газеты было сделано Пушкиным устно и передано также на словах Бенкендорфом Николаю, который отказал в разрешении. Поэтому-то вопрос о газете больше не поднимался и, чтобы поправить материальные дела

---

[9] Акад., XVI, № 1065. Подлинник по-французски.

[10] Там же, № 1066а. В Акад. напечатано как самостоятельный набросок с датой: апрель—май 1835 г.

lib.pushkinskijdom.ru

семьи, Пушкин вынужден был просить разрешения уехать в деревню на три-четыре года.[11] В этом ему также было отказано. Не было отменено и распоряжение Уварова, так как 28 августа того же года Пушкин принужден был жаловаться в Цензурный комитет, что он «лишен права печатать свои сочинения, дозволенные самим государем императором».[12]

В этом письме Пушкин снова упоминает о «Путешествии в Арзрум», не называя его: «В прошлом мае месяце государь изволил возвратить сочинение мое, дозволив оное напечатать, за исключением собственноручно замеченных мест. Не могу более обратиться для подписи в собственную канцелярию его величества и принужден утруждать Комитет всеуниженным вопросом: какую новую форму соизволит он предписать мне для представления рукописей моих в типографию».[13]

В пушкиноведческой литературе отмечалась цензурная правка Николая в отношении отрывка из «Путешествия в Арзрум», напечатанного в «Литературной газете».[14] Теперь мы можем сказать, что от редакторской руки царя пострадал и весь остальной текст «Путешествия».

---

[11] См. письмо к Бенкендорфу от 1 июня 1835 г. (Акад., XVI, № 1068).
[12] Акад., XVI, деловые бумаги, № 20.
[13] В комментариях к письмам «сочинение мое» расшифровывается как «История Пугачева», которая была напечатана в 1834 г. (см.: Полное собрание сочинений, т. X. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 753; Собрание сочинений, т. X. Гослитиздат, М.—Л., 1962, стр. 418). На самом деле, как видно из сказанного выше, речь идет о «Путешествии в Арзрум».
[14] См.: Т. Зенгер. Николай I — редактор Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

Г. М. КОКА

ПУШКИН ПЕРЕД МАДОННОЙ РАФАЭЛЯ

В стихотворении «Мадона» (1830) Пушкин подробно описал какую-то старинную картину, поразившую его воображение.

Детальное описание картины, естественно, наводит на мысль, что живописное полотно, о котором здесь говорится, существовало в действительности. Очевидно, об этом же полотне Пушкин писал Н. Н. Гончаровой из Петербурга в Москву 30 июля 1830 г.: «Прекрасные дамы просят меня показать ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что провожу часы перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40 000 рублей».

В это время в России крупнейшим покупателем произведений искусства был императорский двор. В архиве канцелярии Министерства императорского двора за 1830 и смежные годы имеется несколько дел о приобретении художественных собраний и отдельных предметов. Но ни в одном из документов не оказалось сведений о продаже дорогостоящего старинного полотна с изображением мадонны.[1]

Где же найти картину, заинтересовавшую Пушкина? Этому вопросу посвящена работа М. А. Цявловского, впервые опубликованная в 1951 г.[2] Ученый указал на статью В. Лангера («Ли-

[1] ЦГИАЛ. Архив канцелярии императорского двора, ф. 472, оп. 62/900, 1830, дд. 135/310 («О картинах, предлагаемых к покупке»), 147/336 («О покупке картин князя Годоя»), 28/93 («О картинах полковника Балк-Полева»). Не встречается предложений дорогостоящей «Мадонны» и в описях аукционов, к экспертизе которых привлекалась Академия художеств (ЦГИАЛ, архив Академии художеств, ф. 789, оп. 1, 1830, д. 1145/84 — собрание В. Г. Орлова и № 1184/123 — собрание П. Милорадовича), и в делах Эрмитажа (коллекция герц. Сен-Ле, 1829, и кн. А. Б. Куракина, 1831).

[2] М. А. Цявловский. Заметки о Пушкине. 5. Стихотворение «Мадона». Сборник «Звенья», т. IX, «Academia», М.—Л., 1951, стр. 156—163. Перепечатано в кн.: М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 396—403.

lib.pushkinskijdom.ru

тературная газета», 1830, № 19 от 1 апреля) о старинной картине, изображающей мадонну с младенцем и выставленной для продажи в книжном магазине Сленина на Невском проспекте в Петербурге. Картина приписывалась Рафаэлю. Лангер подробно рассмотрел полотно и пришел к выводу, что это старинная копия, впрочем, первоклассная по достоинству. В другом номере той же газеты (№ 46 от 14 августа) сообщалось, что с этой картины «снимается на камне рисунок большого размера и скоро будет закончен и отпечатан». Ученый при содействии А. Ф. Коростина установил, что автором рисунка мог быть молодой литограф А. Безлюдный. Среди его работ был обнаружен лист, изображающий мадонну с младенцем, с надписью «рис. на камне А. Безлюдный с оригинальной картины итальянской школы».[3]

Гравюра или литография почти неизбежно искажает черты и выражение лиц, писанных маслом на холсте, а во многих случаях отклоняется от оригинала и по композиции. Однако установить живописный оригинал литографии Безлюдного до сих пор не удалось, и на этом поиски картины оборвались.

М. А. Цявловский указал два печатных отклика на картину, выставленную у Сленина. В том же 1830 г. в разных газетах и журналах было помещено еще по меньшей мере пять статей и заметок о картине.[4] После того как В. Лангер в «Литературной газете» выставил веские доводы против авторства Рафаэля, «Северная пчела» выступила вторично с обширной статьей Д. Кафтырева, который пытался теперь доказать, что если «Мадонна» и не Рафаэля, то это якобы ничуть не умаляет ее достоинств.

Оценивая «важные сужденья» всех спорящих «знатоков», можно безошибочно утверждать, что картина выдавалась за оригинал великого художника без достаточных оснований, а в действительности была лишь старинной копией какой-то из мадонн Рафаэля. Это подтверждается и тем, что подлинное произведение Рафаэля должно было бы привлечь внимание не только журналистов, но и настоящих знатоков из Петербургского Эрмитажа. Между тем, как видно из обозрения архива императорского двора, в ведении которого состоял Эрмитаж, и из архива самого Эрмитажа, хранитель последнего Ф. И. Лабенский никакого интереса к мадонне, выставленной у Сленина, не проявил.

Конкретные фактические данные, позволяющие, наконец, установить, о какой именно мадонне писал Пушкин в письме

---

[3] Репродукция помещена в указанных изданиях работы М. А. Цявловского.

[4] «Северная пчела», № 39 от 1 апреля и № 107 от 6 сентября (подпись — Д. Кафтырев); «Сын отечества» и «Северный архив», апрель, № 15, стр. 177—180 (его же); «Отечественные записки», ч. 41, март, № 119; «Русский инвалид», № 104, от 24 апреля, стр. 415. — Все они до сих пор не привлекали внимания исследователей.

lib.pushkinskijdom.ru

и стихотворении, приведены в «Русском инвалиде», в заметке о продаже картины. Здесь сообщалось: «Сия славная картина из кабинета Г. де Синьелей перешла в кабинет Г. Монтарзиса; от него досталась г. Ронде, у которого купил ее герцог Орлеанский, регент Французского королевства во времена малолетства Людовика XV. Она была похищена во время революции из галереи герцога Орлеанского. Она имеет 2 фута 4 дюйма длины и 1 фут 6 дюймов ширины: с нее есть два эстампа. На одном надпись: „La Vièrge et l'enfant Jesus de la Galerie de S. A. S. Monseigneur le Duc d'Orleans. École Romaine, VI tableau de Raphael Sanzio d'Urbin"».[5]

В галерее герцога Орлеанского (Пале-Рояль в Париже) перед революцией 1789 г. было шесть различных изображений «святого семейства» Рафаэля. Ни одно из этих полотен в России не бывало. Это еще одно доказательство, что у Сленина была выставлена не более чем копия с Рафаэля. Но с какого именно оригинала? Это можно узнать, если найти тот самый эстамп, который указан в «Русском инвалиде».

В альбоме гравюр с картин собрания герцога Орлеанского[6] был обнаружен лист работы А. Л. Романе (Romanet, 1748—1807), изображающий мадонну с младенцем, с надписью, текст которой точно воспроизведен в «Русском инвалиде». Здесь же приведены и все другие данные, известные из газеты: размер картины и имена ее прежних владельцев. С текстом этой длинной надписи совпадает решительно все, что было сказано в «Русском инвалиде», так что можно не сомневаться, что автор статьи держал в руках именно этот эстамп.

Теперь, чтобы установить живописный оригинал, достаточно сопоставить гравюру с фоторепродукциями картин Рафаэля. Искомая композиция, во всем совпадающая с гравюрой, — это «Бриджуотерская» мадонна Рафаэля (1507), называемая так по имени своего владельца герцога Бриджуотера (F. Bridgewater, 1758—1829, Англия).

Эта картина не принадлежит к числу наиболее известных произведений Рафаэля, но в прошлом она пользовалась большой славой. Об этом свидетельствует биограф художника Пассаван, в труде которого зарегистрировано тринадцать гравюр и пять копий Бриджуотерской мадонны.[7]

Бриджуотер купил картину во Франции ранее 1830 г. (в 1829 г. он уже умер), и она не могла быть после этого при-

---

[5] «Святая дева и младенец Иисус из галереи герцога Орлеанского. Римская школа, VI картина Рафаэля Санцио из Урбино».

[6] Galerie du Palais Royal gravé d'après les tableaux des différentes écoles... Paris, 1786.

[7] G. D. Passavant. Raphael Urbino und sein Vater Giovanni Santi. Leipzig, 1839, Bd. I, стр. 187; Bd. II, стр. 144—145.

lib.pushkinskijdom.ru

LA VIERGE ET L'ENFANT JESUS.

De la Galerie de S.e A.S. Monseigneur le Duc d'Orleans.

A. P. D. R.

ÉCOLE ROMAINE.

VI.e TABLEAU DE RAPHAEL SANZIO D'URBIN.

Peint sur Bois, ayant de hauteur 2 Pieds ½ Pouces, sur 1 Pied 6 Pouces de large.

Ce Tableau est très bien conservé et se fait remarquer, non seulement par la pureté et le grand caractere de Dessin, mais encore par la fraicheur du Colorit et le beau Pinceau.

La S.te Vierge tient l'Enfant Jesus sur son genouil et le regarde avec tendresse. La Noblesse, la Candeur et la Sainteté sont exprimées d'une maniere sublime dans les traits de cette chaste Mere.

Ce beau Tableau a passé du Cabinet de M.r De Seignelay dans celui de M.r De Montarsis, et dans celui de M.r Randé Jeuillet du Roi, de qui feu S.A.R. M.gr le Duc d'Orleans Regent l'avoit acheté.

Рафаэль Санцио. Бриджуотерская мадонна.
Гравюра А. Л. Романе.

lib.pushkinskijdom.ru

Рафаэль Санцио. Бриджуотерская мадонна. (1507).

lib.pushkinskijdom.ru

везена в Петербург для продажи: все собрание Бриджуотера (в котором имеются и две другие картины Рафаэля) перешло к его наследнику Стаффорду, потом Эдертону и сохранялось в Лондоне до наших дней.[8] Это еще раз подтверждает, что у Сленина была выставлена для продажи не подлинная картина Рафаэля, а одна из ее старинных копий.

Именно к этой живописной мадонне, из множества известных тогда в России, уверенно и прямо подводят незыблемые документальные данные. Нет никаких оснований сомневаться, что у Сленина продавалась старинная копия именно с «Бриджуотерской мадонны» Рафаэля. Здесь увидел ее Пушкин, о ней и писал он Наталье Николаевне.

Но совпадает ли эта картина со всеми приметами полотна, известными из стихотворения?

«Бриджуотерская мадонна» представляет собой двухфигурную композицию: в ней нет других персонажей, кроме Марии и младенца. Об этом же говорится и в стихотворении: «Одни, без ангелов». Совпадает и нечасто встречающееся в живописных полотнах на этот сюжет положение тела младенца — изысканно изогнутое, с рукой, хватающейся за одежду мадонны, что и вызвало пушкинский эпитет «играющий».[9] Положение тела «играющего» младенца сочетается в картине с недетским выражением лица, о чем в стихотворении сказано «с разумом в очах». Есть и «слава» (нимбы вокруг головы мадонны и младенца).

Но одной детали на этом холсте Рафаэля нет. У Пушкина фигуры изображены «под пальмою Сиона», т. е. на фоне южного пейзажа. Между тем на картине, что ясно видно и на фоторепродукции, и на гравюре, мадонна помещена в интерьере, на фоне внутренней стены какого-то помещения.

Это расхождение имеет свои причины и разъясняется с помощью подробных данных о картине, приведенных Пассаваном.

Мы уже знаем, что Пушкин в магазине Сленина видел не подлинник Рафаэля, никогда не бывший в России, а копию с него. Известно, что старинные копии с картин великих мастеров очень часто в деталях отличались от оригинала.

Пассаван перечисляет известные ему пять копий Бриджуотерской мадонны. Внимание сразу же привлекает последняя, числящаяся в его списке копия из собрания Штеделевского

---

[8] «Bridgewater House Gallery — Cleveland Square» (см.: Pantheon. Internationales Adressbuch. Esslingen, 1926, стр. 213). В настоящее время картина находится в Национальной галерее в Эдинбурге (см.: W. Kelber. Raphael von Urbino, Stuttgart, 1963, стр. 108).

[9] Вариант восьмой строки в авторской рукописи из альбома Ю. Н. Бартенева и в списках из альбома Ив. Малиновского: «играющий спаситель» (вм. окончательного текста «божественный спаситель»).

lib.pushkinskijdom.ru

института искусств во Франкфурте на Майне. Называя ее, Пассаван делает примечание: «с пейзажным фоном».[10]

Значит, среди старинных копий с «Бриджуотерской мадонны» была одна, отличающаяся именно той особенностью, которой недоставало оригиналу для полного соответствия с описанием Пушкина: пейзажным фоном («под пальмою Сиона»). Наиболее вероятно, что в Петербурге в 1830 г. была выставлена именно эта копия. В каталогах Штеделевского института копия «Бриджуотерской мадонны с пейзажным фоном» появляется впервые в 1833 г.[11] В каталоге 1827 г. этой картины нет. Несомненно, что она поступила сюда между 1827 и 1833 гг.

Очевидно, неизвестные нам владельцы «Бриджуотерской мадонны с пейзажным фоном», прежде чем уступить ее немецкому музею как копию, сделали в 1830 г. попытку сбыть картину петербургским собирателям по цене подлинника Рафаэля, попытку, закончившуюся неудачей, несмотря на помещение полотна в таком заметном месте, как магазин Сленина, и громкую рекламу в печати.

Картина повторяется в каталогах Штеделевского института до конца XIX в. Нынешнее ее местонахождение неизвестно.

Однако есть все основания полагать, что неизвестный копиист, изменивший фон полотна, в самом для нас важном — облике мадонны и выражении ее лица — достаточно близко воспроизвел оригинал, и мы вправе судить об источнике сонета Пушкина по известному нам полотну Рафаэля.

«Бриджуотерская мадонна» относится к флорентийскому периоду творчества Рафаэля (1504—1507). Художник создал здесь новый тип мадонны, лишенной духа условного благочестия, характерного для его же ранних (умбрийских) мадонн. «Это, в сущности, образы светского характера, представляющие юную мать», — писал Н. И. Романов. Следует отметить, что все флорентийские мадонны близки между собой. На знаменитой эрмитажной картине Рафаэля «Святое семейство с безбородым Иосифом» (1505) [12] мадонна очень похожа на Бриджуотерскую.

Вариант самой «Бриджуотерской мадонны», также, по всей вероятности, знакомый Пушкину, был у М. С. Воронцова.[13]

---

[10] «Alte Copien nach dem Gemälde... e) Im Städelschen Kunstinstitut zu Frankfurt a. Main. Mit einem landschaftlichen Hintergrund» (G. D. Passavant. Raphael Urbino..., Bd. II, стр. 145).

[11] Gemälde Galerie des Städelschen Kunstinstituts nach der Aufstellung... Frankfurt a. M., 1833, стр. 11. Более подробные сведения о картине в каталоге издания 1835 г. (Verzeichniss der öffentlich ausgestelten Kunstgegenstände des Städelschen Kunstinstituts. Frankfurt a. M., 1835, стр. 67): «Copie nach Raphael. Maria mit dem Kind. Hintergrund Landschaft. Das Original dieser gleichzeitigen Copie befindet sich in England, im Besitze des Marquis von Stafford».

[12] История реставрации этой картины, предположительно, была поводом для появления стихотворения Пушкина «Возрождение» (см.: М. Я. Варшавская. Пушкин и картина Рафаэля. Изд. Эрмитажа, Л., 1949).

[13] «Северная пчела», 1830, № 107.

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкин, увидев полотно в магазине Сленина, должен был узнать черты, уже знакомые ему по ранее виденным изображениям рафаэлевых мадонн того же типа. Именно эта картина великого живописца не только напомнила поэту облик любимой женщины, но и вызвала к жизни одно из замечательнейших произведений русской лирической поэзии.

«Мадона» служит примером «изобразительной точности» Пушкина, отмеченной Б. В. Томашевским[14] и И. Н. Медведевой.[15] Известно, что Пушкин часто упоминал в своих стихах произведения искусства. При этом стихотворения, в которых описана картина или статуя, своим поэтическим строем всегда соответствуют стилистическим особенностям тех произведений искусства, о которых в них говорится.[16] Сюжет «Мадоны» и ее форма — сонет — тесно взаимно связаны.

Пушкин написал всего три сонета: «Поэту», «Суровый Дант...» и «Мадона» — все в 1830 г. В это время он часто обращался к различным родам мировой поэзии многих стран и времен. Но за кажущимся «подражанием» всегда стояла глубокая внутренняя необходимость. Так было и в данном случае. Соответствие сюжета и строфики «Мадоны» не следует понимать в том смысле, что манера Рафаэля в живописи и форма сонета в поэзии имеют общую историческую почву, возникли и развились в одной стране — Италии эпохи Возрождения.[17] Подобная стилизация вряд ли входила в намерения поэта. Более существенно, что за формой «Мадоны» Пушкина и художественными особенностями «Бриджуотерской мадонны» Рафаэля ощутимы родственные творческие принципы. Уравновешенности, законченности и сложной стройности сонета соответствовали те же качества композиции Рафаэля.

Сонет «Мадона», навеянный наблюдениями и размышлениями поэта над старинной копией «Бриджуотерской мадонны» Рафаэля, подтверждает и мысль Белинского о родственности натур гениального итальянского живописца и великого русского поэта.[18]

---

[14] Б. В. Томашевский. Отражение творчества Пушкина в иллюстрациях его времени. В кн.: Пушкин и его время. Вып. I. Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Изд. Эрмитажа, Л., 1962, стр. 333.

[15] И. Н. Медведева. Таврида. Лениздат, 1956, стр. 402.

[16] Подробнее см. в кн.: Пушкин об искусстве. Изд. Акад. худ. СССР, М., 1962.

[17] Сонеты писал и сам Рафаэль. Об этом сообщалось в его жизнеописаниях. На русском языке сонеты Рафаэля впервые появились в переводе Т. П. Знаменовской (Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1964, № 2, стр. 170—171).

[18] «То же благородство, та же грация выражения при той же верности и строгости очертаний! Недаром Пушкин так любил Рафаэля: он родня ему по натуре», — писал Белинский В. П. Боткину из Дрездена 7/19 июля 1847 г. (Полн. собр. соч., т. XII, изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 384). См. также письмо Е. А. Баратынского П. А. Полевому от 25 марта 1821 г.

lib.pushkinskijdom.ru

М. И. ГИЛЛЕЛЬСОН

ИЗ АРХИВА ВЯЗЕМСКИХ. ПУШКИН И ТРИКО

В архиве П. А. Вяземского сохранилась следующая записка.

Feu Monsieur A. Pouchkine, mon ancien élève, qui conservait un agréable souvenir de nos anciennes relations scholastiques, avait écouté avec intérêt le plan de mon ouvrage et l'avait complètement approuvé quelques jours avant le funeste événement qui le ravit à se famille, à ses amis et à la gloire de son pays; nous avons passé ensemble la soirée et beaucoup causé de ma rhétorique des jeunes personnes qui venait enfin de paraître. M. Pouchkine me dit: «Je voudrais faire une longue et belle analyse de votre ouvrage; vous savez quel intérêt je porte aux instituts de S. M. l'Impératrice et, en général, à l'éducation des femmes en Russie; vous leur faites là un véritable cadeau». Le Prince H...off était en lieu de cette conversation.

Mm. les rédacteurs actuels du «Contemporain» ne pourraient-ils pas insérer dans le N qui doit paraître fin de Mars, un court article qui contiendrait seulement le titre du livre et les mots: «Nous sommes fâchés que la connaissance de cet ouvrage nous soit parvenue trop tard pour en faire un article détaillé; tout ce que nous pouvons en dire aujourd'hui, c'est que peu d'ouvrages élémentaires imprimés en Russie relatifs à la langue française remplissent aussi bien le but que s'est proposé l'auteur».

Перевод

Покойный господин А. Пушкин, мой бывший ученик, который сохранял приятное воспоминание о наших давних школьных отношениях, с интересом выслушал план моего сочинения и полностью одобрил его за несколько дней до того прискорбного события, которое его похитило у его семьи, у его друзей и у славы его страны; мы провели вместе вечер и много говорили о моей риторике для молодых девиц, которая тогда наконец только что появилась. Господин Пушкин мне сказал: «Я хотел бы сделать обстоятельный разбор вашего сочинения; вы знаете, с каким интересом я отношусь к учебным заведениям ведомства ее величества императрицы и вообще к женскому образованию в России; вы сделали им истинный подарок». Князь Х... ов присутствовал при этой беседе.

Не смогли ли бы нынешние редакторы «Современника» поместить в номере, который появится в конце марта, короткое извещение, содержащее лишь заглавие книги и следующие слова: «К сожалению, мы слишком поздно ознакомились с этим сочинением, чтобы поместить его подробный разбор. Сейчас мы можем только сказать, что немногие учебники, изданные в России по основам французского языка, столь хорошо соответствуют цели, которую себе поставил автор».[1]

[1] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5249, лл. 1—1 об.

lib.pushkinskijdom.ru

Записка не имет подписи, однако установление ее автора не представляет особого затруднения: в 1836 г. в Петербурге вышла первая часть «Элементарной французской грамматики» И. Трико,[2] который с 1816 г. был учителем французского языка в Царскосельском лицее. И. Селезнев сообщал: «Сотрудниками у де Будри, подобно тому, как и у Гауеншильда, были, после адъюнкта Ренненкампфа, учителя-гувернеры: титулярный советник Карл Егорович Кюкюэль, бывший учитель Ярославского Демидовского лицея; в Царском Селе он оставался один только год, от 1814 по 1815, а с 1816, до определения Тилло, находился иностранец Иван Иванович Трико, продолжавший занятия в пансионе до 1827 г., где, по поручению Гауеншильда, преподавал, сверх языка, и закон божий воспитанникам римско-католического исповедания в течение почти шести лет (1818—24)».[3] Хотя М. А. Корф утверждал, что И. И. Трико состоял только при втором курсе и не имел «прикосновения» к пушкинскому курсу,[4] можно не сомневаться, что он знал Пушкина со времен лицея.[5]

В своей записке к редакторам «Современника» И. И. Трико просил поместить в очередной номер журнала, который, по его расчетам, должен был появиться в конце марта 1837 г., извещение о выходе в свет его учебника. Подобного извещения в «Современнике» нет, но зато на основании этой фразы можно безошибочно датировать записку И. И. Трико февралем—началом марта 1837 г. Таким образом, она была написана вскоре после разговора И. И. Трико с Пушкиным. Это дает основание полагать, что слова Пушкина, приведенные им, переданы достаточно точно. И. И. Трико упоминает, что при его разговоре с Пушкиным присутствовал князь Х...ов. По всей вероятности, это был князь Хилков, Дмитрий Александрович, Иван Александрович или Степан Александрович, один из братьев фрейлины Л. А. Хилковой, которая упоминается в дневнике Пушкина.

Особому рассмотрению подлежат слова Пушкина о его интересе «к учебным заведениям ведомства ее величества императрицы и вообще к женскому образованию в России». Ратуя за развитие просвещения в России, Пушкин, естественно, считал вопрос о женском образовании существенным ингредиентом для успешного развития национальной культуры. Вспомним, что

---

[2] Tricot. Grammaire Française élémentaire, tt. I—II. St.-Ptb., 1836—1838. — Возможно, что он был сыном французского латиниста Лорена Трико (1720—1778).

[3] И. Селезнев. Исторический очерк имп. бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие с 1811 по 1861 год. СПб., 1861, стр. 113—114.

[4] Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899, стр. 242.

[5] По-видимому, фамилия Трико вспомнилась Пушкину, когда он писал «Евгения Онегина»: в пятой главе романа, среди гостей у Ленских, выведен «мосье Трике» (строфы XXVII, XXXIII).

lib.pushkinskijdom.ru

в первом номере «Современника» за 1836 г. была помещена анонимно статья П. А. Плетнева «Императрица Мария».[6] Напечатанная в журнале без подписи, эта статья воспринималась читателями как редакторская. М. Еремин считает, что «статья Плетнева по замыслу редактора-издателя призвана была сыграть роль благонамеренного фасада, по которому „начальство“ должно было судить о направлении всего журнала».[7] В доказательство своего мнения М. Еремин ссылается на Ф. Булгарина, который, рецензируя «первый том журнала Пушкина отозвался об этой статье коротко, но в достаточной степени выразительно: „Статья о благотворительности в бозе почившей императрицы Марии Федоровны по важности содержания ее не подлежит критике“».[8] По-видимому, М. Еремин прав в своем предположении. Но вместе с тем помещением этой статьи (без подписи) сразу же после стихотворения «Пир Петра Первого» Пушкин, как нам думается, стремился особо подчеркнуть свою заинтересованность, как издателя журнала, вопросом о женском образовании в России. Записка И. И. Трико документально подтверждает, что Пушкин придавал большое значение женским учебным заведениям. Не считая возможным противопоставлять эту статью другим статьям «Современника», как это делает М. Еремин, проанализируем те реальные факты, которые лежали в основе панегирической статьи, посвященной памяти Марии Федоровны. За 32 года своей деятельности во главе женского образования покойная императрица приложила много усилий, которые привели к значительному расширению количества учебных заведений. В 1797 г. было открыто в Петербурге Сиротское училище (с 1800 г. — Мариинский институт) для дочерей мещан на 50 воспитанниц; в 1798 г. в Петербурге и в 1803 г. в Москве были организованы училища ордена св. Екатерины для девиц обер-офицерского звания, каждое из которых было рассчитано на 60 воспитанниц, а в Московском училище с 1807 г. было дополнительно открыто тверское отделение еще на 20 мест; с 1798 г. — классы для девочек при Военно-сиротском доме в Петербурге, преобразованные с 1807 г. в Девичье училище Военно-сиротского дома. В этом училище были классы и для девочек из солдатского сословия. В 1801 г. в Москве был открыт Практический акушерский институт, в 1802 г. в Гатчине — Сельский воспитательный дом на 700 младенцев обоего пола; в 1805 г. в Москве — Мещанское училище для дочерей мещан, священников, медиков, учителей, художников, на 80 воспитанниц; в 1811 г. в Петербурге — Повивальный институт на 30 мест; в 1818 г. — Харьковский институт благородных девиц, в 1820 и 1823 гг. в Петербурге — два учи-

---

[6] «Современник», 1836, т. 1, стр. 4—13.
[7] М. Еремин. Пушкин-публицист. Гослитиздат, М., 1963, стр. 262.
[8] Там же.

lib.pushkinskijdom.ru

лища для солдатских дочерей при гвардейских полках; в 1826 г. в Севастополе и в Николаеве — два училища для дочерей моряков Черноморского флота. Кроме того, под покровительством Елизаветы Алексеевны и Женского патриотического общества были открыты: в 1806 г. в Петербурге Дом трудолюбия на 50 мест и в 1813 г. Училище для девочек — сирот воинов Отечественной войны, на 80 мест, переименованное с 1825 г. в Институт Патриотического общества. Из провинциальных учебных заведений укажем на Дом трудолюбия в Симбирске (с 1820 г.), на Девичий институт в Одессе (с 1814 г.), на Полтавский институт (с 1817 г.).[9] В первые десятилетия XIX в. было открыто много частных женских пансионов. Только в столице в 1828 г. их было 45. По подсчетам С. И. Пономарева, общее количество девочек-учащихся к 1828 г. достигло 12 тысяч.[10] Для того времени это было значительным прогрессом, и статья, помещенная Пушкиным в «Современнике», отражала его положительное отношение к расширению женского образования в России.

Передовой человек своего времени, шедший не только наравне, но и впереди своего века, Пушкин в статье «Отрывки из писем, мысли и замечания» (1827) с иронией писал о том, что «Магомет оспоривает у дам существование души», что «во Франции, в земле прославленной своею учтивостию, грамматика торжественно провозгласила мужеский род благороднейшим», что «даже люди, выдающие себя за усерднейших почитателей прекрасного пола, не предполагают в женщинах ума, равного нашему, и, приноравливаясь к слабости их понятия, издают ученые книжки для дам, как будто для детей...».[11]

Не будучи заражен домостроевскими предрассудками, Пушкин всегда отдавал должное душевным качествам и умственным способностям женщин; известно, как высоко он ценил талант мадам де Сталь, как он деятельно помогал русским писательницам (Н. А. Дуровой, А. О. Ишимовой). В «Рославлеве» (1831) он утверждал: «Нет сомнения, что русские женщины лучше образованы, более читают, более мыслят, нежели мужчины, занятые бог знает чем».[12] Итак, Пушкин понимал под женским образованием не только занятия в учебных заведениях, но и то, что мы теперь называем самообразованием («более читают, более мыслят»). Пушкин справедливо полагал, что женская образованность является существенной и неотъемлемой частью общего просвещения России.

---

[9] Подробнее об этом см.: Е. Лихачева. Материалы для истории женского образования в России (1796—1828). Время императрицы Марии Федоровны. СПб., 1893.

[10] С. И. Пономарев. «Материалы для истории женского образования в России (1796—1828)» Е. И. Лихачевой. Рецензия. СПб., 1899, стр. 40.

[11] Акад., XI, стр. 53.

[12] Акад., VIII, стр. 156.

lib.pushkinskijdom.ru

Н. Н. ПЕТРУНИНА

ПОРТРЕТ, ПРИЛОЖЕННЫЙ А. С. ПУШКИНЫМ К «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА»

В 1834 г. под названием «История Пугачевского бунта» вышла в свет пушкинская «История Пугачева». К ней была приложена специально изготовленная гравюра, изображающая Пугачева в оковах после пленения его правительственными войсками. Эта гравюра получила позднéе широкое распространение как в виде отдельных оригинальных оттисков, так и в виде воспроизведений при последующих переизданиях «Истории Пугачева» и даже в свою очередь послужила оригиналом для гравюры Л. А. Серякова.[1] Какова же история этого «пушкинского» портрета Пугачева?

10 апреля 1834 г. историк Д. Н. Бантыш-Каменский писал Пушкину: «...Не нужен ли вам портрет Пугачева для сочиняемой Истории его? Я видел гравированный у Платона Петровича Бекетова и могу достать верный рисунок с оного. Подлинный принадлежит к тому времени, когда самозванец был пойман... При сем прилагаю рисунок с печати самозванца».[2] В благодарственном ответном письме Пушкин сообщал, что «снимок с печати» он тотчас «отдал гравировать», и (относительно портрета Пугачева): «Портрет его у меня есть и также гравируется».[3] Из позднейшей переписки поэта[4] видно, что гравировался порт-

[1] См.: «Русская старина», 1870, кн. 2, между стр. 352—353.

[2] Акад., XV, № 913.

[3] Акад., XV, № 927. — Н. П. Смирнов-Сокольский, опираясь на цитированное письмо Бантыша-Каменского и не учитывая ответного письма Пушкина, ошибочно считал, что «оригинал портрета предоставил Пушкину Д. Н. Бантыш-Каменский из собрания известного П. Бекетова» (см. его кн.: О прижизненных изданиях Пушкина. Изд. Всесоюзной книжной палаты, М., 1962, стр. 368).

[4] См. его письма к И. И. Дмитриеву от 14 февраля 1835 г. и к А. А. Фукс от 15 августа 1835 г. (Акад., XVI, №№ 1037 и 1086).

lib.pushkinskijdom.ru

ИСТОРІЯ
ПУГАЧЕВСКАГО
БУНТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1834.

Портрет Пугачева, приложенный к «Истории пугачевского бунта».

lib.pushkinskijdom.ru

Е. И. Пугачев. Копия начала XIX в.
С портрета работы неизвестного художника.

lib.pushkinskijdom.ru

рет в Париже. Это подтверждает, оставляя неизвестным имя гравера, счет на гравировку, печатание и доставку портрета, предъявленный Пушкину и сохранившийся в делах опеки над его детьми и имуществом.[5] Кроме того, из самого счета и из сопроводительного письма Ф. М. Беллизара следует, что заказ свой Пушкин направил через книжный магазин Ф. Беллизара и К⁰, что тираж гравюры, превышая тираж издания в целом, составлял 3200 экземпляров и был получен в Петербурге около 18 июля 1835 г., т. е. почти через семь месяцев после выхода в свет «Истории Пугачева».[6] Этим исчерпываются дошедшие до нас сведения об истории «пушкинской» гравюры, не давая ответа на вопрос, какой из портретов Пугачева послужил для нее оригиналом и как он попал в руки Пушкина.

Сразу же после поимки Пугачева, уже в Симбирске, главнокомандующий П. И. Панин поручил неизвестному художнику «приступить к созданию портрета самозванца» в оковах, предназначенного для Г. А. Потемкина и самой императрицы.[7] Но еще «до отсылки в столицу „симбирского“ подлинника было исполнено с него несколько, по всей вероятности авторских, повторений».[8] Как установила А. Л. Вейнберг, одно из них было изготовлено для самого П. И. Панина (и впоследствии хранилось в смоленском имении Паниных селе Дугине), другое — для генерал-губернатора Сибири Д. И. Чичерина и т. д. С этих портретов уже тогда и позднéе в свою очередь снимались копии.[9]

---

[5] Акад., XVI, № 1085.

[6] Как видно из официального письма Пушкина к директору типографии II отделения собственной е. и. в. канцелярии М. Л. Яковлеву от 3 июля 1834 г., тираж «Истории Пугачева» был определен в 3000 экземпляров (Акад., XV, № 967). Расхождение между тиражом гравюры и книги, а также и то, что первые семь месяцев, когда «История Пугачева» пользовалась сравнительно бóльшим спросом, она продавалась без портрета, объясняют, почему в обращение попало довольно много отдельных оттисков гравюры. Задержкой портрета объясняется, видимо, отчасти и то, что в начале сентября 1835 г. значительная часть тиража «Истории Пугачева» находилась в листах и только еще готовилась к переплету (см. записку М. Л. Яковлева к А. С. Пушкину от 5 сентября 1835 г. — Акад., XVI, № 1089). Сам поэт в ряде писем 1835 г. оправдывал запоздалую отправку своим корреспондентам дарственных экземпляров «Истории Пугачева» долгим отсутствием портрета (см.: Акад., XVI, №№ 1037, 1086, 1107).

[7] Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. 3. СПб., 1884, стр. 309.

[8] А. Вейнберг. Материалы к иконографии Емельяна Пугачева. В кн.: Памятники Пугачевского восстания, хранящиеся в Государственном историческом музее. Изд. «Советская Россия», М., 1961, стр. 8. («Труды Государственного исторического музея», вып. 32).

[9] Там же, стр. 9—10. — До нас дошел и более ранний портрет Пугачева, изготовленный по его собственной воле в начале восстания, 21 сентября 1773 г., и написанный поверх портрета Екатерины II (см.: М. Бабенчиков. Портрет Е. Пугачева. «Литературное наследство», т. 9—10, М., 1933, стр. 499—500). В настоящей заметке этот последний портрет не рассматривается, поскольку он никак не связан с гравюрой пушкин-

lib.pushkinskijdom.ru

В настоящее время известны два портрета, которые, по мнению исследователей, исполнены непосредственно в Симбирске тем же «панинским» художником. Один из них — это рисунок тушью, приложенный к списку «Летописи» П. И. Рычкова, принадлежавшему П. И. Панину, другой — масляный портрет, написанный по заказу майора О. фон Матиаса, который служил под начальством И. И. Михельсона и участвовал в поимке Пугачева. Первый из них ныне находится в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, второй — в Таллинском историческом музее Академии наук Эстонской ССР.[10] Оба портрета, как и «пушкинский», поясные; Пугачев изображен на них в тулупе, прикованным цепью к стене. Остальные известные ныне изображения Пугачева этого типа восходят или к названным, или к другим, недошедшим до нас симбирским портретам.

Впервые вопрос об источнике портрета, гравированного для пушкинской «Истории Пугачева», затронул в 1870 г. А. И. Макшеев. Описав Таллинский (Ревельский) портрет Пугачева и сопоставив его с недошедшим до нас вышеупомянутым портретом, находившимся в Дугине, Макшеев справедливо отнес их к одному типу. «С одного из этого типа современных портретов Пугачева, — писал он далее, — сделана была, как известно, по заказу А. С. Пушкина для его „Истории Пугачевского бунта“ гравюра на стали».[11]

Выводов Макшеева, по-видимому, не учел Д. А. Ровинский, через несколько лет иначе определивший источник «пушкинской» гравюры. В своем словаре гравированных портретов среди портретов Пугачева он описал под № 1 старейшую гравюру с погрудным изображением Пугачева, восходящую, как нам теперь очевидно, к одному из его симбирских портретов. Эту гравюру, ошибочно охарактеризованную им как портрет Пугачева «в том виде, как он сидел в секретном нумере в Пугачевской башне Московского острога», Ровинский счел оригиналом «пушкинского» портрета, помещенного им под № 10.[12] Это указание Д. А. Ровинского было повторено в сочинениях Пушкина под редакцией С. А. Венгерова.[13] В последнее время к интересую-

---

ского издания (как и другой, уже позднейший, апокрифический портрет Пугачева во весь рост, выполненный также по заказу П. И. Панина. — См.: А. Вейнберг. Матер. к иконографии Пугачева, стр. 13—16; там же, на стр. 33 и 36, см. воспроизведение обоих названных портретов).

[10] Анализ и воспроизведение указанных портретов см. в работе А. Вейнберга (стр. 10—13, 34, 35).

[11] А. И. М‹а к ш е е› в. О портретах Пугачева. «Русская старина», 1870, т. II, кн. 10, стр. 417—418.

[12] Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов. т. III. СПб., 1888, стлб. 1836—1838.

[13] А. С. Пушкин, Сочинения, под ред. С. А. Венгерова, т. 5. СПб., 1911, стр. 53; ср. вклейку между стр. 192—193.

lib.pushkinskijdom.ru

щему нас вопросу вернулся в обзоре пугачевской иконографии В. В. Мавродин, воспроизведший суждение Макшеева.[14]

Д. А. Ровинский признал гравюру, которую мы вслед за ним условно назовем гравюрой № 1, оригиналом «пушкинского» портрета. Отметим сразу же, что среди русских и иностранных гравированных портретов Пугачева, учтенных в словаре Ровинского, по степени сходства с гравюрой пушкинского издания только гравюра № 1 заслуживает с нею подобного сопоставления. Однако, ограничив круг привлекаемых материалов лишь гравированными портретами Пугачева, Ровинский не проанализировал их соотношения с другими (графическими и живописными) его изображениями. Кроме того, сосредоточив внимание на общей композиционной близости гравюры № 1 и «пушкинского» портрета, он упустил из вида их расхождение в психологической трактовке образа Пугачева и в ряде деталей. Продольные морщины, бороздящие лоб узника на гравюре № 1, сменились на «пушкинской» поперечными; изменился рисунок бровей; с переносицы исчезла крупная бородавка; аккуратным кружком подстриженная борода превратилась в окладистую, слегка заостренную книзу; на рубахе вместо сборок — полоски, и т. д. Большинство отмеченных деталей гравюры № 1 сближает ее с графическим портретом Пугачева, приложенным к «Летописи» Рычкова, а соответствующие детали «пушкинской» гравюры совпадают с деталями таллинского портрета маслом. Таким образом, представляя общий тип «симбирского» портрета Пугачева, сопоставленные нами гравюры принадлежат к разным его вариантам, и предположение о преемственной связи между ними отпадает.

Рассмотрение «пушкинской» гравюры в ряду других изображений Пугачева возвращает нас к мысли Макшеева о том, что ее оригиналом был масляный портрет, близкий к таллинскому портрету Пугачева. Но им, естественно, не мог быть сам таллинский портрет, находившийся в пушкинское время в Прибалтике, в имении Матиаса.[15] Следовательно, Пушкину был известен какой-то другой портрет, повторяющий основные детали таллинского.

Таким портретом, как нам представляется, был портрет Пугачева, находящийся ныне в Государственном историческом музее

---

[14] В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. Т. 1. Изд. ЛГУ, 1961, стр. 233.

[15] Гравюра на дереве Л. А. Серякова, воспроизводящая этот портрет, впервые была опубликована в журнале «Русская старина», 1876, кн. 7, после стр. 510. (Отметим попутно, что в помещенной здесь же (стр. 509—510) редакционной заметке публикуемый портрет решительно противопоставлен «пушкинской» гравюре, причем автор заметки ссылается на расхождение этих портретов в психологической характеристике Пугачева). К этому времени неизвестный ранее широкой публике портрет был пожертвован дочерью Матиаса в Эстонский провинциальный музей, а в 1870 г. даже экспонировался на выставке в Петербурге.

lib.pushkinskijdom.ru

(инвентарный номер И I 81758/5725; холст, масло) и поступивший туда из Остафьева, подмосковного имения кн. П. А. Вяземского, где не раз бывал Пушкин. Это копия начала XIX в. с одного из симбирских портретов Пугачева, близкая по своим основным деталям к таллинскому портрету, но в то же время имеющая ряд дополнительных черт, отсутствующих в последнем и находящих соответствие в «пушкинской» гравюре. Копия эта, не представляющая интереса для исследователей пугачевской иконографии, важна для изучающих пушкинскую «Историю Пугачева». Именно с нее был, очевидно, снят рисунок, отправленный Ф. Беллизаром по поручению Пушкина для гравировки в Париж. На остафьевском портрете взгляд Пугачева обращен как бы в себя (на таллинском он смотрит на зрителя), его образу придана бóльшая сложность и психологическая углубленность; решительность Пугачева уступила здесь место состоянию рефлексии; свет на его лицо падает справа (на таллинском портрете — слева); тени у угла правого глаза образуют подобие знака >, обращенного острием к переносице; бороздка над верхней губой делит усы надвое; борода другой формы и короче. Так как правая сторона лица находится в тени, то резко обозначенная на других изображениях Пугачева симбирского типа растительность на виске и щеке передана здесь более неопределенно, что дало основание парижскому исполнителю «пушкинской» гравюры воспринять ее как тень. Цепь, к которой прикован узник, укреплена на стене квадратной скобой, а кисть руки Пугачева с наручником и цепью не опущена, а приподнята кверху, и т. д. Все эти детали остафьевского портрета находят соответствие в гравюре, приложенной к «Истории Пугачева».

Между «пушкинской» гравюрой и остафьевским портретом есть и некоторые различия. Автором симбирских портретов Пугачева был, по-видимому, местный художник-иконописец. При детальной разработке лица Пугачева, его фигура почти не выделена из плоскости, рука слабо моделирована. Исполнитель остафьевской копии устранил из нее черты подлинника, выдававшие связь его с иконописной традицией. Подчеркнув психологическую выразительность лица, он в то же время уничтожил световое пятно, выделяющее фигуру Пугачева из фона, и, усилив моделировку, придал изображению бóльшую объемность. Однако проработка ряда деталей остафьевского портрета свидетельствует об ограниченности профессиональных навыков его исполнителя. Это сказалось в передаче правой руки узника и его уха, в стилизованном изображении волос и меховой оторочки тулупа, в неестественном расположении складок одежды, так что левый рукав кажется безжизненно пустым, и т. д. Все перечисленные признаки сглажены в «пушкинском» портрете, в котором чувствуется рука более грамотного художника. Но различия между остафьевским портретом и «пушкинской» гравюрой являются

lib.pushkinskijdom.ru

второстепенными по сравнению с чертами, сближающими их и отличающими от других известных (как русских, так и иностранных) изображений Пугачева. Кроме того, они могли появиться уже в перерисовке, которой Пушкин располагал для отправки в Париж. Именно из этой перерисовки, а не из самого остафьевского портрета исходил в своей работе создатель «пушкинской» гравюры. Вывод об остафьевской копии как об источнике портрета, приложенного к «Истории Пугачева», находит косвенное подтверждение в том, что в работе над своим историческим трудом Пушкин использовал и другие материалы, полученные им от П. А. Вяземского.[16] Портрет Пугачева, хранившийся в Остафьеве, не был единственным его изображением, попавшим в поле зрения Пушкина в пору работы над «Историей Пугачева». Так, он безусловно знал фантастическую гравюру,[17] предпосланную французскому изданию книги «Ложный Петр III» и повторенную в ее русском переводе, которым пользовался Пушкин.[18] Из известных поэту портретов Пугачева он выбрал портрет наиболее достоверный, который мог по праву занять место среди «исторических сокровищ»,[19] приложенных к «Истории Пугачева».

---

[16] См. четвертое примечание Пушкина к главе пятой «Истории Пугачева» (Акад., IX, стр. 110).

[17] См.: Д. А. Ровинский. Словарь портретов..., стлб. 1839—1840, №№ 19—24.

[18] Книга сохранилась в библиотеке поэта (см.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, стр. 59, № 217). О степени и характере ее использования в «Истории Пугачева» см.: Г. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 81—89 (с воспроизведением портрета); ср.: Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. Изд. Всесоюзной книжной палаты, М., 1962, стр. 354—359.

[19] Акад., IX, стр. 390.

lib.pushkinskijdom.ru

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

КНИГИ О ПУШКИНЕ 1964—1965 ГОДОВ

Настоящий перечень книг о Пушкине на русском языке, вышедших в 1964—1965 годах, продолжает аналогичные библиографические списки, напечатанные в первом и втором выпусках «Временника Пушкинской комиссии». В отличие от предшествующих в данный перечень введены все книги о Пушкине за указанные годы, включая и те, которые лишь частично посвящены великому поэту (различные сборники, монографии и т. д.). В соответствии с этим здесь даются также более подробные аннотации к тем изданиям, которые хотя и не упоминают Пушкина на своих титульных листах, но представляют реальный интерес для изучения его поэзии, творчества, значения для истории русской культуры и т. д. Критические обзоры статей о Пушкине в периодических изданиях за те же годы будут опубликованы в последующих выпусках «Временника». Зарубежная пушкиниана рассматривается в особом обзоре.

Абрамович С. Л. Произведения А. С. Пушкина на уроках внеклассного чтения и занятиях литературного кружка. — В кн.: Абрамович С. Л. Уроки внеклассного чтения в VII—VIII классах. Из опыта работы. М.—Л., «Просвещение», 1964, стр. 50—70.

Алексеев М. П. «Трагедия, составленная из азбуки французской». — В кн.: Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию В. М. Жирмунского. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 293—302 (Акад. наук СССР. Отделение литературы и языка).

Устанавливается источник и дата записи Пушкина об «Eno et Ikaël» («Буквы, составляющие славенскую азбуку...»).

Алянский Юрий. Глазами Пушкина. — В кн.: Алянский Ю. Рассказы о Русском музее. М.—Л., «Искусство», 1964, стр. 81—95.

Экспонаты Русского музея в восприятии и творчестве Пушкина. Пушкин и Брюллов.

Андроников Ираклий. Утраченные записки. — В кн.: Андроников И. Лермонтов. Исследования и находки. М., «Художественная литература», 1964, стр. 143—182.

Записки В. И. Анненковой. Опубликованы отрывки воспоминаний о декабристах, Пушкине и Лермонтове.

lib.pushkinskijdom.ru

Антокольский П. Пути поэтов. Очерки. М., «Советский писатель», 1965, 472 стр.

Стр. 7—17: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...», Стр. 18—44: «Евгений Онегин». Стр. 45—82: «Медный всадник». Трилогия. Стр. 83—93: Анна Петровна Керн. Стр. 94—105: Заметки на полях. Стр. 106—122: Новое о Пушкине. [Рец. на кн.: И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина; И. Л. Андроников. Тагильская находка].

Архипов Вл. М. Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия. М., «Московский рабочий», 1965, 472 стр.

Стр. 227—303: «... поэта праведная кровь».

Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, Изд. Харьковского унив., 1965, 584 стр.

Стр. 173—197: Лекция 12. «Исторические взгляды декабристов. А. С. Пушкин».

Баранская Н. В., Крейн А. З., Соколов Б. Н. Художественное оформление экспозиции Государственного музея А. С. Пушкина в Москве. — В кн.: Художественное оформление музеев. М., 1965, стр. 47—63. («Труды научно-исследовательского института музееведения», вып. 14).

Басина М. Город поэта. Л., «Детская литература», 1965, 270 стр. с илл. (По дорогим местам).

О жизни Пушкина в лицее.

Березина В. Г. Русская журналистика второй четверти XIX века (1826—1839 годы). Л., Изд. ЛГУ, 1965, 102 стр.

Стр. 43—62: «А. С. Пушкин — журналист».

Берков П. Н. Подборка газетных вырезок. (Судьба Жоржа-Шарля Дантеса и его семейства. — В кн.: Берков П. Н. О людях и книгах. (Из записок книголюба). М., «Книга», 1965, стр. 51—68.

Благой Д. Д. «Евгений Онегин» в кругу великих созданий мировой литературы. — В кн.: Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию В. М. Жирмунского. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 317—333. (Акад. наук СССР. Отделение литературы и языка).

Благой Д. Исторические романы Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Арап Петра Великого. Рославлев. Капитанская дочка. М., «Художественная литература», 1965, с. 5—31.

Бозырев В. По Пушкинскому заповеднику. Путеводитель. М., Профиздат, 1965, 144 стр. с илл.

Бонди С. «Борис Годунов» А. С. Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Борис Годунов. М., «Искусство», 1965, стр. 100—109.

Бродский Н. Л. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителя. Изд. 5. М., «Просвещение», 1964, 415 стр. с илл.; 1 л. портр.

Бурсов Б. И. Национальное своеобразие русской литературы. М.—Л., «Советский писатель», 1964, 395 стр.

Стр. 65—148: Гл. 2. Пушкин и мировая литература.

Виноградов В. В. О принципах и приемах чтения черновых рукописей Пушкина. — В кн.: Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию В. М. Жирмунского. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 277—290. (Акад. наук СССР. Отделение литературы и языка).

Чтение черновика стихотворения «Заступники кнута и плети» П. Е. Щеголевым, П. О. Морозовым, В. Я. Брюсовым, Б. В. Томашевским и Т. Г. Цявловской.

Воробьев В. П. Из наблюдений над синтаксисом художественной прозы А. С. Пушкина. — В кн.: Вопросы стилистики, вып. 2. Саратов, Изд. Саратовского унив., 1965, стр. 187—196.

Гасанов З. С. Вургун и Пушкин. Автореф. канд. дисс., Л., 1965, 18 стр. (Ленингр. унив.).

Гессен А. Все волновало нежный ум... Пушкин среди книг и друзей. М., «Наука», 1965, 509 стр. с илл.; 1 л. портр.

Библиогр.: стр. 503—507.

lib.pushkinskijdom.ru

Рейнгольд Морицевич Глиэр. Статьи. Воспоминания. Материалы. Т. I. М.—Л., «Музыка», 1965, 390 стр.

Стр. 273—276: «Пушкин и музыка». Стр. 147—156: П. Ф. Аболимов. «Медный всадник». (О творческой дружбе композитора и либреттиста).

Глотова И. П. Безаффиксные существительные женского рода в творчестве А. С. Пушкина. — В кн.: Вопросы стилистики, вып. 2. Саратов, Изд. Саратовского унив., 1965, стр. 104—112.

Горелов Анат. Очерки о русских писателях. Л., «Советский писатель», 1964, 742 стр.

Стр. 33—74: «Подвиг поэта» [«Евгений Онегин»].

Горшков А. И. История русского литературного языка. Краткий курс лекций. Изд. 3. М., «Высшая школа», 1965, 194 стр.

Стр. 148—163: «Пушкин — основоположник современного русского литературного языка».

Гравин Семен. Пушкинский год. Рассказ. — В кн.: Молодой человек. Литературно-художественный сборник, вып. 4. Пермь, Кн. изд., 1965, стр. 134—141.

Воспоминания о юбилее 1937 г.

Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. [Вступит. статья Г. Макогоненко. Изд. 2]. М., «Художественная литература», 1965, 355 стр. с портр.

Дегтярев П. Здесь голос Пушкина звучал. — В кн.: Дегтярев П., Вуль Р. У литературной карты Крыма. Литературно-краеведческие очерки. Симферополь, «Крым», 1965, стр. 15—25.

Замошкин Н. И. Поэт и народ. (Творчество Пушкина). — В кн.: Замошкин Н. И. Спутники нашей жизни. Сборник статей и рецензий. М., «Советский писатель», 1964, стр. 373—434.

Впервые: «Колхозник», 1937, № 2, стр. 46—92.

Зельдович М. Г. Статьи Н. Г. Чернышевского о Пушкине в общественно-литературной борьбе 50-х годов. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, т. 4. Саратов, Изд. Саратовского унив., 1965, стр. 5—39.

Ильинская И. С. Из истории славянизмов в поэтической речи первой половины XIX в. (Глаголы с приставкой *воз* — в поэзии Пушкина). — В кн.: Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., «Наука», 1964, стр. 167—224.

Инбер Вера. Все пути ведут к нему... (А. С. Пушкин). — В кн.: Инбер В. За много лет. М., «Советский писатель», 1964, стр. 162—167.

Иофьев М. Профили искусства. Литература, театр, живопись, эстрада, кино. М., «Искусство», 1965, 324 стр.

Стр. 165—169: «Мария — Нинель Петрова» [Бахчисарайский фонтан»]. Стр. 229—276: «„Маленькие трагедии“ Пушкина».

Каверин Ф. Н. Маска Пушкина. Рассказ. — В кн.: Каверин Ф. Н. Воспоминания и театральные рассказы. М., Всероссийское театральное общество, 1964, стр. 289—299.

Кандель Б. Л. Библиография переводов романа «Капитанская дочка» на иностранные языки. — В кн.: Пушкин А. С. Капитанская дочка. М., «Наука», 1964, стр. 261—282.

Лавренев Б. А. О Пушкине. — В кн.: Лавренев Б. А. Собрание сочинений в 6 томах, т. 6. М., «Художественная литература», 1965, стр. 189—191.

Лапкина Г. На афише — Пушкин. Л.—М., «Искусство», 1965, 159 стр. с илл. (На обороте титульного листа: Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии).

Содерж.: Введение. — О сценичности. — Перед новым зрителем. — В спорах о Пушкине. — Пушкинский год. — «Хрестоматийный глянец». — На современных афишах.

lib.pushkinskijdom.ru

Левин В. Д. Краткий очерк истории русского литературного языка. Изд. 2, испр. и доп. М., «Просвещение», 1964, 247 стр.

Стр. 213—234: «Пушкин и русский литературный язык».

Лидин Вл. Друзья мои — книги. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Сборник 10. М., 1965, стр. 282—333.

Стр. 324—326: «Фигурка Пушкина». Стр. 331—333: «Анджело».

Литвин Э. С. В. Я. Брюсов о Пушкине. — В кн.: Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, «Айастан», 1964, стр. 202—226.

Луначарский А. Силуэты. М., «Молодая гвардия», 1965, 543 стр. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 18).

Стр. 131—137: «Пушкин и Некрасов». Стр. 150—156: «Александр Сергеевич Пушкин».

Малышева И. Атеистическое воспитание учащихся при изучении творчества А. С. Пушкина. (Материалы в помощь учителю). Пермь, 1965, 49 стр. (Пермский педагогический институт. Кафедра русской и зарубежной литературы).

Мануйлов В., Холшевникова Е. О романе «Дубровский». — В кн.: Пушкин А. С. Дубровский. Л., «Детская литература», 1964, стр. 71—79. (Школьная библиотека).

Марков П. А. После «Онегина». (В Новом театре). — В кн.: Марков П. А. Правда театра. Статьи. М., «Искусство», 1965, стр. 453—456.

Маршак С. Воспитание словом. Статьи. Заметки. Воспоминания. М., «Советский писатель», 1964, 584 стр.

Стр. 5—18: «Заметки о сказках Пушкина». Стр. 253—260: «Три юбилея». Стр. 261—275: «Пушкин и „младое племя“».

Мастерство перевода. Сборник. [1964]. М., «Советский писатель», 1965, 546 стр.

Разноязычный Пушкин. Стр. 273—286: М. П. Алексеев. «Евгений Онегин» на языках мира. Стр. 287—303: А. Венцлова. Моя работа над Пушкиным. Стр. 304—326: А. Белов. А. Шлионский — переводчик «Евгения Онегина». Стр. 327—334: П. Антокольский. Пушкин по-французски. [Рец. на кн.: Pouchkine A. S. Oeuvres. Trad. A. Meynieux. Paris, 1962]. Стр. 335—350: Ю. Тувим. Четверостишие на верстаке. [Процесс перевода четверостишия «У лукоморья дуб зеленый»].

Мезенцев П. А. Белинский и русская литература. М., «Просвещение», 1965, 343 стр.

Стр. 84—88: «Пушкинский период» [VIII и IX главы «Литературных мечтаний»]. Стр. 147—152: «Идея исторического развития русской литературы. Новая оценка писателей XVIII в. и „пушкинского периода“». Стр. 152—159: «Идея мирового значения Пушкина и ее обоснование». Стр. 201—278: «Монография „Сочинения Александра Пушкина“».

Николадзе Анна. Русско-грузинские литературные связи. [2 изд.]. Тбилиси, «Литература да хеловнеба», 1965, 265 стр.

Стр. 26—47: «А. С. Пушкин в Грузии».

Петров С. М. Русский исторический роман XIX века. М., «Художественная литература», 1964, 439 стр.

Стр. 13—60: Гл. 1. У истоков русского исторического романа. «Арап Петра Великого» А. С. Пушкина. Стр. 61—109: Гл. 2. Исторический роман конца 20-х—начала 30-х годов. «Юрий Милославский» и «Рославлев» М. Н. Загоскина. «Рославлев» А. С. Пушкина. Стр. 180—216: Гл. 5. Реалистический исторический роман Пушкина «Капитанская дочка».

Пехтелев И. Г. Литература и время. Статьи и очерки. Казань, Татарское кн. изд., 1964, 111 стр.

Стр. 29—40: «Вечно живое и движущееся явление».

lib.pushkinskijdom.ru

Проблемы современной филологии. Сборник статей к 70-летию В. В. Виноградова. М., «Наука», 1965, 475 стр. (Акад. наук СССР. Отделение литературы и языка).

Стр. 129—135: В. М. Жирмунский. Русский народный стих в «Сказке о рыбаке и рыбке». Стр. 153—158: И. С. Ильинская. По поводу датирования одного стихотворения Пушкина. [«Царское Село»]. Стр. 215—219: В. А. Плотникова. Работа Пушкина над словом в процессе создания поэтического текста. Стр. 366—371: Б. П. Городецкий. Пушкин после восстания декабристов. (Загадочная запись Пушкина 1826 г.). [«И я бы мог»]. Стр. 378—386: Н. К. Гудзий. К вопросу о пушкинских текстах. (О посмертном издании сочинений Пушкина). Б. С. Мейлах. Из политической биографии Пушкина после восстания декабристов.

Пушкин А. С. Капитанская дочка. М., «Наука», 1964, 284 стр. с илл.; 1 л. портр. (Шмуцтитул: Акад. наук СССР. Литературные памятники). Критический текст с обширным комментарием и исследованием.

Пушкинский заповедник. Фотоальбом. Автор фото М. Величко. Сост. и автор вступит. статьи А. Гордин. М.—Л., «Советский художник», 1964, 14 стр., 37 л. илл.

Пушкинский сборник. Рига, 1965, 67 стр. (Латвийский государственный университет им. П. Стучки. Студенческое научное общество).

Стр. 3—21: Е. Тоддес. Становление жанра поэмы в творчестве Пушкина. Стр. 22—55: Л. Флейшман. Художественные искания Пушкина в лирике середины 1820-х годов. Стр. 56—63: Р. Тименчик. Наблюдения над планами прозаических произведений Пушкина. Стр. 64—66: Хроника.

Раевский Николай. Если заговорят портреты. Алма-Ата, «Жазушы», 1965, 183 стр. с илл.

Содерж.: Если заговорят портреты. — Когда нашелся архив. — Д. Ф. Фикельмон в жизни Пушкина. — Д. Ф. Фикельмон о дуэли и смерти Пушкина.

Рахилло Иван. Рассказ об одной догадке. — В кн.: Рахилло И. Первые грозы. — Мечтатели. — Летчики. — Московские встречи. М., «Московский рабочий», 1964, стр. 510—528.

Версия В. В. Вересаева о кольчуге Дантеса.

Семенов Л. П. Коста и А. С. Пушкин. — В кн.: Семенов Л. П. Избранное. Статьи об осетинской литературе. Орджоникидзе, Северо-Осетинское кн. изд., 1964, стр. 198—215.

Сквозников В. Д. Стиль Пушкина. — В кн.: Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Стиль. Произведение. Литературное развитие. [Кн. 3]. М., «Наука», 1965, стр. 60—97.

Соколов А. Н. История русской литературы XIX века. Т. I. Изд. 2, испр. М., Изд. МГУ, 1965, 836 стр.

Стр. 197—199: «Первые литературные выступления Пушкина». Стр. 202—203: «Значение „Руслана и Людмилы“ в борьбе литературных течений». Стр. 242—244: «Поэты пушкинского окружения». Стр. 343—349: «Утверждение реализма в творчестве Пушкина». Стр. 349—350: «Пушкин и народность литературы». Стр. 350—356: «Пушкин в борьбе за народность и реализм языка художественной литературы». Стр. 366—368: «Участие Пушкина в литературной борьбе». Стр. 369—372: «Эстетические взгляды Пушкина». Стр. 456—627: «А. С. Пушкин».

Соловьева О. С. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский дом после 1937 г. Краткое описание. М.—Л., «Наука», 1964, 112 стр. (Акад. наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом)).

Суздальский Ю. П. Пушкин и Овидий. — Рассказ старого цыгана. — В кн.: Суздальский Ю. П., Селецкий Б. П., Герман М. Ю.

lib.pushkinskijdom.ru

На семи холмах. Очерки культуры древнего Рима. Изд. 2. М., «Просвещение», 1965, стр. 323—326, 376—378.

Сурков Алексей. Голоса времени. Заметки на полях истории литературы. 1934—1965. М., «Советский писатель», 1965, 495 стр.

Стр. 13—22: «Пушкин перед лицом нашего времени». Стр. 23—32: «Солнце нашей поэзии». Стр. 33—37: «Основоположник — новатор».

Тодоров Л. В. Работа над стихом в школе. М., «Просвещение», 1965, 184 стр. (Акад. пед. наук РСФСР. Институт общего и политехнического образования).

Стр. 129—155: «Лирика Пушкина в старших классах».

Топильский В. На земле, воспетой Пушкиным. — В кн.: Дорогой мужества. [Очерки]., Лениздат, 1964, стр. 274—290.

Воспоминание об освобождении Пушкинских Гор от немцев.

Трахтенберг О. М. Особенности глагольного управления в русском литературном языке первой трети XIX в. (На материале произведений А. С. Пушкина). — В кн: Вопросы теории и методики изучения русского языка, вып. 4. Ижевск, 1965, стр. 187—198.

Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). Изд. подготовил М. И. Гиллельсон. М.—Л., «Наука», 1964, 624 стр.

В этой книге впервые воспроизведены в полном виде литературные корреспонденции, посылавшиеся А. И. Тургеневым в Россию во время его продолжительных заграничных странствований и печатавшиеся в русских журналах между 1827—1845 гг. Историческую ценность этих писем ясно представлял себе Пушкин, давший им и заглавие («Хроника русского») и напечатавший несколько из них в своем «Современнике»; в настоящем издании они сверены с рукописями и снабжены комментариями что делает их весьма важным первоисточником для изучения Пушкина и его ближайших друзей. В том же издании по рукописям ИРЛИ (Пушкинский дом) впервые опубликованы заграничные дневники А. И. Тургенева за 1825—1828 гг. Здесь находится, в частности, несколько новых свидетельств о Пушкине, дополняющих те выборки, которые были сделаны М. И. Гиллельсоном из более поздних дневников А. И. Тургенева в журнале «Русская литература» (1964, № 1, стр. 125—134: «Пушкин в дневниках А. И. Тургенева 1831—1834 гг.). В дневнике за 1825 г. (3 декабря—21 ноября 1825 г.) Тургенев отметил, что на вечере у m-me Рекамье в Париже «говорили и о процессе против журналов, и много о поэте Пушкине, коего дядю, Вас‹илия› Льв‹овича›, m-me Récamier знавала» (стр. 363). В дневнике 1826 г. под 31 (19 октября) Тургенев сделал такую запись: «Этот день напомнил мне и мой вечер в 1817 году, когда я сближал пасторов протестантских и реформатских и поэт Пушкин угощал их у меня пуншом и ужином, а под конец и бпчевал веселым умом своим — вином разогретого пастора. — Буссе, Ласозе, Мюральт» (стр. 434). Эта встреча Пушкина с пасторами датируется июнем—декабрем 1817 г. (см. статью С. Дурылина «Пушкин и пасторы. Из забытых свидетельств о Пушкине» («30 дней», 1937, № 2, стр. 83—86), в которой впервые была приведена выписка из дневника А. И. Тургенева в Петербурге).

Тургенев И. С. О современной русской литературе. Пушкин. — Лермонтов. — Гоголь. Публикация и вступительная статья Л. Р. Ланского. — «Литературное наследство», т. 73, кн. 1, М., 1964, стр. 271—287.

В публикации, озаглавленной «Статья о русской литературе», Л. Р. Ланский воспроизводит полностью французский текст статьи «De la littérature russe contemporaine», напечатанной в парижском журнале «Illustration» (1845, № 125). Французский текст этой статьи Л. Р. Ланский сопроводил русским переводом и соображениями об авторе этой анонимной статьи, которую он приписывает перу И. С. Тургенева; доводы эти, однако, не являются убедительными и решаю-

lib.pushkinskijdom.ru

щими, и вопрос об авторе указанной статьи остается еще, по нашему мнению, открытым.

Фаворский В. А. Рассказы художника-гравера. М., «Детская литература», 1965, 104 стр. с илл.

Стр. 76—86: «О том, как я оформлял „Бориса Годунова“ Пушкина». Стр. 87—100: «Как я оформлял „Маленькие трагедии“ Пушкина».

Фейнберг Илья. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 4. М., «Советский писатель», 1964, 431 стр. с илл.

Филиппова Н. Поэмы Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Поэмы. М., «Художественная литература», 1964, стр. 5—22.

Ходакова Е. П. Каламбуры у Пушкина и Вяземского. — В кн.: Образование стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., «Наука», 1964, стр. 285—333.

Шекспир и русская культура. Под ред. М. П. Алексеева. М.—Л., «Наука», 1965, 823 стр. (Акад. наук СССР. Инст. русской литературы (Пушкинский дом)).

Стр. 129—200: Гл. III. Пушкинская пора. 1. Ю. Д. Левин. Литераторы декабристского направления. 2. М. П. Алексеев. А. С. Пушкин.

Шкапа Илья. Семь лет с Горьким. Воспоминания. М., «Советский писатель», 1964, 382 стр.

Стр. 86—109: «О людях с солнцем в крови. Пушкин и Сирано де Бержерак». [Беседа Горького с С. Б. Урицким о Пушкине].

Шкловский В. За сорок лет. М., «Искусство», 1965, 455 стр.

Стр. 35: «Колесо» [И. Москвин в «Станционном смотрителе»]. Стр. 294—297: «Конфликт и его развитие в кинопроизведении. О природе конфликта и о конфликте „Медного всадника“».

Эйзенштейн С. Пушкин — монтажер. I. Бой с печенегами и «Полтава». II. Шары чугунные. — В кн.: Эйзенштейн С. Избранные произведения в шести томах, т. 2. М., «Искусство», 1964, стр. 433—450.

Юсуфов Р. Ф. Дагестан и русская литература конца XVIII и первой половины XIX в. М., «Наука», 1964, 269 стр.

Стр. 70—76: Гл. III. Кавказская тематика в поэзии В. К. Кюхельбекера и К. Ф. Рылеева. «Кавказский пленник» А. С. Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

III. ХРОНИКА

НЕКРОЛОГИ

Н. К. ГУДЗИЙ

29 октября 1965 г. в Москве скончался член Пушкинской комиссии, один из виднейших советских филологов-литературоведов, действительный член Академии наук УССР, доктор филологических наук, профессор Московского университета, Николай Каллиникович Гудзий.

Н. К. Гудзий родился 21 апреля (4 мая) 1887 г. в Могилеве Подольском; в 1907 г. он поступил на историко-филологический факультет Киевского университета и окончил его в 1911 г. Научная деятельность его началась в 1908 г. в семинарии русской филологии профессора Киевского университета (впоследствии академика) В. Н. Перетца. В этой замечательной филологической школе определились основные направления научных интересов Н. К. Гудзия — изучение древнерусской и старинной украинской литератур, получившие в дальнейшем особенно широкое развитие в его научно-литературной деятельности. Однако Н. К. никогда не замыкался в какой-либо одной сфере исследований: его всегда отличали многосторонность научных интересов и широта знаний. В круг своих излюбленных историко-литературных изучений Н. К. рано включил русскую литературу на всем протяжении ее развития в XIX в., а в этой последней его всегда особенно привлекали Пушкин и Л. Толстой. В многочисленных откликах по поводу кончины Н. К. Гудзия, появившихся в русской и зарубежной научной печати, уже была дана общая характеристика покойного, очерчены его выдающиеся заслуги в изучении древнерусской литературы и славяноведения в широком смысле, а также перечислены важнейшие из его печатных трудов в этих областях.[1] В настоящей некрологической заметке мы коснемся лишь тех его работ, которые непосредственно относятся к пушкиноведению.[2]

[1] Нам известны следующие некрологи Н. К. Гудзия: 1) «Литературное наследство», 1965, т. 75, кн. 2, стр. 557—562 (В. В. Виноградов); 2) «Известия Академии наук СССР, ОЛЯ», 1966, т. XXV, вып. 2, стр. 180—183 (А. И. Кузьмин, О. А. Державина); 3) «Вопросы литературы», 1966, № 1, стр. 255—256; 4) «Slavia», Praha, 1966, ч. XXV, seš. 2, str. 342—343; 5) «Советское славяноведение», 1966, вып. 3, стр. 127 (А. А. Илюшин); 6) «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 469—471 (В. П. Адрианова-Перетц, Л. А. Дмитриев); 7) «Slavia Orientalis», Warszawa, r. XV, № 2, str. 261—262 (Paulina Lewin); 7) «Filológiai Közlöny», Budapest, 1965, evf, XI, sz. 3—4, стр. 477 (Maria Rev).

[2] Подробный перечень книг и статей Н. К. Гудзия с 1910 по 1957 г. опубликован в брошюре, изданной Московским университетом, «Н. К. Гудзий. К 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-педагогической дея-

lib.pushkinskijdom.ru

Еще в годы своей подготовки к профессорской деятельности Н. К. опубликовал статью «Гоголь — критик Пушкина» («Чтения в историческом обществе Нестора-летописца», кн. XXIV, Киев, 1913, стр. 3—40), не потерявшую значения и доныне: она представляет собою подробный и хорошо комментированный обзор суждений Гоголя о великом русском поэте. Через несколько лет появился очерк Н. К. «Огарев и Пушкин» («Русский филологический вестник», 1917, № 1—2, стр. 141—151), в котором была сделана первая попытка определить характер и размеры того воздействия, какое творчество Пушкина оказало на поэзию Н. П. Огарева; в то время поэтическое наследие Огарева было еще плохо известно даже специалистам по истории русской литературы. В ближайшие за этим годы Н. К. неоднократно выступал с библиографическими обзорами новейших исследований о Пушкине; эти критико-библиографические очерки свидетельствуют, насколько тщательно Н. К. следил за новинками пушкиноведческой литературы. В обзоре «Пушкинская литература в послереволюционные годы» («Книга о книгах», 1924, май, № 4, стр. 36) Н. К. отмечал, что двадцатый век — «век усиленного внимания к Пушкину. Его поэзия, с одной стороны, непосредственно воздействует на новейшую русскую литературу, с другой стороны, пристально и энергично изучается историками литературы ... Пушкин, как никогда, может быть, стоит в центре внимания историков литературы, и в этом залог дальнейшего роста нашего пушкиноведения». В обзоре Н. К. «Пушкиноведение в 1926—1927 гг.» («Печать и революция», 1928, кн. 1, стр. 123—130) также высказано немало справедливых критических замечаний о направлении новейших исследований о Пушкине и об их результатах. К тридцатым годам относится несколько наиболее крупных работ Н. К. о Пушкине, частично связанных с развернувшейся в то время подготовкой к столетию со дня гибели великого поэта; в это время Н. К. интересовали творческая история отдельных произведений Пушкина и связанные с нею текстологические изыскания. В ценной статье «К истории сюжета романса Пушкина о бедном рыцаре» (в кн.: Пушкин. Сборник второй. Ред. Н. К. Пиксанов. М., 1930, стр. 145—158) Н. К. сумел воспользоваться своими познаниями в области средневековых славянских, а также романских литератур; он привел параллели, представляющие интерес для уяснения истории сюжета пушкинского романса, в частности тексты двух старофранцузских фабльо (по сборнику Барбазана и Меона). Но Н. К. не исключал в то же время возможности знакомства Пушкина со старинными памятниками русской литературы типа «Великого зерцала», куда аналогичный сюжет попал через посредство польских переводов из сборника Цезария Гейстербахского «Dialogus miraculorum». Богатой свежими и ценными результатами была работа Н. К. над рукописями «Братьев разбойников» Пушкина. Издав эту поэму (совместно с С. М. Бонди), после тщательной экспертизы всех ее рукописей, в четвертом томе большого академического «Полного собрания сочинений» Пушкина, Н. К. опубликовал также статью «„Братья разбойники“ Пушкина» («Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук», 1937, № 2—3, стр. 643—658). Проследив по рукописям постепенное развитие и воплощение данного замысла, Н. К. высказал серьезные и справедливые сомнения относительно свидетельства самого поэта о сожжении части поэмы («Разбойников сжег и поделом», XIII, 64). По мнению Н. К., Пушкин осуществил лишь первую часть плана поэмы о разбойниках, но отказался от осуществления той, в которой речь должна была идти о волжском атамане, о покинутой им любовнице и новой пленнице; эта неосуществленная часть «Братьев разбойников» являлась оче-

---

тельности» (М., 1957). См. также «Хронологический список трудов Н. К. Гудзия» в приложении к «Очерку жизни и деятельности» его, написанному А. Н. Робинсоном («Труды Отдела древнерусской литературы», т. XIII, Л., 1957, стр. 326—341).

lib.pushkinskijdom.ru

видной параллелью к почти одновременно возникшей с нею поэме «Бахчисарайский фонтан», и к разработке этой части поэт и не приступал. Н. К. произвел также тщательное текстологическое обследование рукописей Пушкина, возникших при изучении им «Слова о полку Игореве»; в 1949 г. он издал черновые тексты Пушкина (в XII томе большого академического издания «Полного собрания сочинений», стр. 147—152, 387—394, 449), а результаты своего исследования этих рукописей он изложил в особой статье — «Пушкин в работе над „Словом о полку Игореве"» (в кн.: Пушкин. Сборник статей под ред. А. Еголина. М., 1941, стр. 260—290). Отметим еще, что Н. К. прочел и опубликовал сделанные Пушкиным в одной из его тетрадей выписки польских текстов из стихотворений Мицкевича «Do Przyiaciół moskali», «Pomnik Piotra Wielkego» и «Oleszkiewicz», сопроводив их дословными переводами («Рукою Пушкина», М., 1935, стр. 549). Параллельно с углубленным изучением рукописей Пушкина шли занятия Н. К. над его стилистикой. Интерес представляет, например, небольшая статья Н. К. в этой области «Прозопопея у Пушкина» (в кн.: Памяти П. Н. Сакулина. Сборник статей. М., 1931, стр. 56—64), в которой подвергнут анализу частный вид метафоры «наделение неодушевленного предмета или понятия признаками и свойствами, присущими предмету одушевленному». Обнаружив в поэтических произведениях Пушкина разных лет обилие олицетворений отвлеченных понятий, Н. К. пришел к заключению, что Пушкин «не только в раннюю пору, но и в пору своей поэтической зрелости не расставался с традициями классической поэтики». Искренняя любовь Н. К. к Пушкину неоднократно выражалась в его откликах на пушкинские юбилейные даты (например, в 1937 и 1949 гг.). Чтобы содействовать умножению его известности и славы, Н. К. писал журнальные и газетные статьи и научно-популярные очерки. Тесно связанный по работе с Академией наук УССР в Киеве, Н. К. много сделал для популяризации великого поэта среди украинских читателей. Его книга «Пушкин. Критико-биографический очерк» издана в Киеве в 1949 г. на русском и украинском языках; он снабдил также вступительными статьями «Твори» Пушкина в украинских переводах (в одном томе — Київ, 1949, стр. 7—23 — и в четырех томах — Київ, 1953, т. I, стр. 5--64). Его перу принадлежит также обзор переводов Пушкина на украинский язык («Вітчизна», 1955, № 8, стр. 108—124) и статьи о Пушкине и русской литературе, специально написанные для украинских читателей (см., например: Пушкін і російська культура. — «Вісник Академії наук УРСР», 1949, № 5, стр. 32—41; то же: «Радяньске літературознавство», Київ, 1949, № 12, стр. 13—22: «Наш Пушкін». — «Вітчизна», 1949, № 6, стр. 143—148; «Олександр Сергійович Пушкін». «Дніпро», 1949, № 6, стр. 93—106 и др.). И в последующие годы Н. К. продолжал выступать с рецензиями на новинки пушкиноведения («Новая книга о Пушкине», Октябрь, 1955, № 11, и живо откликался на все ценное, что являлось в эти годы. Характерно, стр. 188—191: о книге И. Фейнберга «Незавершенные работы Пушкина») что, всецело отдавая свои силы изучению Л. Н. Толстого, Н. К. стремился совместить свои интересы к творчеству обоих великих писателей. Так, например, его статья «Как начал Толстой „Анну Каренину". Литературная встреча Толстого с Пушкиным» («Красная новь», 1935, кн. II, стр. 144—150) посвящена весьма примечательному совпадению самого раннего наброска к «Анне Карениной» с отрывком Пушкина: «Гости съезжались на дачу». В этой же статье Н. К. отметил, что «некоторые особенности внешнего облика Анны Карениной взяты, видимо, с дочери Пушкина, Марии Александровны Гартунг, которую Толстой встретил в Туле у генерала Тулубьева.

М. П. Алексеев

lib.pushkinskijdom.ru

Л. П. ГРОССМАН

16 декабря 1965 г. скончался член Пушкинской комиссии Леонид Петрович Гроссман, выдающийся советский литературовед, писатель и критик.

Л. П. Гроссман родился 12 (24) января 1888 г. в Одессе. Окончив одесскую Ришельевскую гимназию, он в 1906—1907 г. слушал лекции на факультете права в Сорбонне (Парижском университете), а затем — в Новороссийском университете по юридическому факультету, который он окончил в 1911 г.; при этом же университете Л. П. состоял профессорским стипендиатом по кафедре энциклопедии и философии права. Одновременно началась деятельность Л. П. как поэта и литературного критика; он выступал с критическими статьями и работами на историко-литературные темы в «Вестнике Европы», «Русской мысли» и других журналах и газетах. С 1920 г. Л. П. был преподавателем литературы в одесском Гуманитарно-общественном институте, а в 1921 г. переехал в Москву, где жил (с небольшими перерывами) до конца своей жизни, ведя лекционную деятельность в высших учебных заведениях (в Высшем литературно-художественном институте им. В. Брюсова, в Московском городском педагогическом институте, профессором которого он состоял между 1940—1959 гг., в Свердловском университете, где он работал во время Великой Отечественной войны, и др.), и всецело отдаваясь научно-литературной работе.

Многочисленные работы Л. П. (список их насчитывает около 400 названий, среди них около 30 отдельных книг) посвящены разнообразным вопросам теории литературы, поэтики, стилистики, стиховедения, а также творчеству всех крупнейших русских писателей XIX в. Изучению Пушкина Л. П. всегда уделял особое внимание. Его книги и статьи о жизни и творчестве Пушкина по своей численности и научному значению уступают только его работам, посвященным Ф. М. Достоевскому, которые сам Л. П. считал важнейшими из им напечатанных. В 1936 г. Л. П. был избран членом Пушкинской комиссии (см.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 1. М.—Л., 1936, стр. 362) и принимал деятельное участие в ее работах.

К творчеству Пушкина Л. П. подошел первоначально не как исследователь, а как поэт и писатель, однако еще до начала своей научно-педагогической деятельности Л. П. мог считаться превосходным знатоком Пушкина и посвященной ему литературы. Еще в 1919 г. Л. П. снабдил большой вступительной статьей однотомник Пушкина, изданный в Одессе. О широте и глубине познаний Л. П. в области пушкиноведения в те годы, о тонкости понимания и артистичности интерпретации им пушкинских текстов в особенности свидетельствует его собственное поэтическое творчество. Так, отдельной небольшой книгой Л. П. выпустил в свет сборник своих стихотворений «Плеяда. Цикл сонетов» (Одесса, изд. «Фьяметта», 1919), в значительной мере посвященных Пушкину. В чеканную форму сонета здесь облечены были образы, внушенные автору чтением произведений Пушкина и страниц его биографии. В настоящее время это маленькая книга составляет большую библиографическую редкость, как и ее второе издание (М., 1922). Следует очень пожалеть, что, за исключением четырех сонетов под общим заглавием «На полях Пушкина» (в альманахе «Лирический круг. Страницы поэзии и критики». М., 1922, стр. 10—12), эти тончайшие артистические отражения пушкинской поэзии у нас не переиздавались и ныне мало известны; в русской поэзии XX в. не так уж много столь же совершенных по своей форме лирических произведений, вдохновленных чтением великого русского поэта. Поэтому трудно удержаться, чтобы не процитировать хоть несколько из этих превосходных сонетов.

lib.pushkinskijdom.ru

ИМПРОВИЗАТОР

У стен Феррары, в зарослях Кремоны,
В Бергамо, где родился Арлекин,
Под шелест чернокрылых пелерин,
В тени гербов, где корчатся грифоны, —

Везде он брел, преображая в звоны
Мгновенных строф и беглых каватин
Надменный клекот Дантовских терцин
И томный плач Петрарковой канцоны.

Поэт — бродяга, страстный и скупой,
Он перед чинной северной толпой
Под стон смычков почуял близость бога,

И заструил средь лавров и мечей
В огнях Александрийского чертога
Зловещий блеск Египетских ночей.

ГАННИБАЛ

Плененный принц забыл сераль султанов,
Босфор и Абиссинские дворцы,
Когда ввезли московские гонцы
Его в столицу гневных Иоаннов.

Он ожил в царстве пудры и кафтанов,
Где славили придворные певцы
Лучистые бурбонские венцы
И герцогскую пышность Орлеанов.

Но африканской пылкостью томим,
Из праздного Парижа Ибрагим
Стремился к водам северных каналов,

Чтоб там средь верфей, свай, секир и пик
К стопам Петра склонить свой черный лик
И царственное имя Ганнибалов.

САЛЬЕРИ

Под пенье флейт и бурный плеск в партере
Ты лад былых мелодий превозмог
Для чувственных Моцартовских тревог
И томных жалоб Глюковых мистерий.

Как твой великий предок Алигьери,
Ты был угрюм, честолюбив и строг,
Маэстро, виртуоз и педагог,
Друг Бомарше — Антонио Сальери!

И тайный путь тебя к бессмертью вел:
Раз в пустырях нижегородских сел
Один поэт в чеканную оправу

Замкнул твои забытые черты, —
И блеском гениальной клеветы
Тебя возвел в немеркнувшую славу.

lib.pushkinskijdom.ru

Эти и прочие сонеты Л. П., выросшие из его раздумий над текстами Пушкина, с похвалой встречены были русскими поэтами — В. Брюсовым, М. Волошиным и другими. В статьях Л. П. начала 20-х годов, многие страницы которых имеют в настоящее время значение ценных мемуарных свидетельств, сохранено немало интересных данных, которые должны быть удержаны в истории советского пушкиноведения. Так, в статье «Беседы с Леонидом Андреевым» — перепечатана в его книге «Борьба за стиль. Опыты по критике и поэтике» (2-е изд., М., 1929, стр. 267—280) — Л. П. рассказал об отношении Л. Андреева к Пушкину и привел его отзыв о «Египетских ночах»: поводом для этой беседы была найденная Л. П. перед тем затерянная характеристика «Египетских ночей», написанная Ф. М. Достоевским, с которой он и ознакомил Л. Андреева. «Это мнение Достоевского представляло в то время и некоторый злободневный интерес, — вспоминал Л. П. Только что появилось в печати продолжение „Египетских ночей“ В. Брюсова. Андреев вполне разделял мнение Достоевского (считавшего, что „развивать и дополнять“ пушкинский фрагмент в художественном отношении „более невозможно“) и очень советовал мне опубликовать отдельно эту страничку забытой критики в связи с оживлением критических толков вокруг „Египетских ночей“» (стр. 275). Еще больший интерес для истории нашего пушкиноведения представляют свидетельства Л. П. о беседах и спорах о Пушкине с В. Брюсовым, состоявшиеся в августе 1924 г. в Коктебеле, в гостях у М. А. Волошина. Об этом Л. П. рассказал в статьях «Последний отдых Брюсова» и «Пушкин или Рылеев?» (напечатаны в альманахе «Недра», 1925, кн. 6, стр. 210—229). В последней речь шла о споре, возникшем в поэтическом кружке М. Волошина по поводу догадки, высказанной в печати М. Л. Гофманом: последний утверждал, будто бы знаменитое послание «К Чаадаеву» написано не Пушкиным, а Рылеевым. В. Брюсов безоговорочно согласился с М. Гофманом и признал, что стихотворение это принадлежит перу К. Ф. Рылеева, а не Пушкина. Л. П., однако, не согласился ни с Гофманом, ни с Брюсовым, несмотря на то, что авторитет их обоих как пушкиноведов казался в то время непререкаемым. Однако Л. П. позволил себе высказать сомнения в окончательности их согласного решения и вскоре опубликовал свои доводы в пользу авторства Пушкина, несмотря на отсутствие автографа этого стихотворения или его именной публикации. В настоящее время этот спор более не возобновляется. Послание «Любви, надежды, тихой славы» вошло в академическое издание Полного собрания сочинений Пушкина (II, 72, 551, 1042) и выходит также во всех других изданиях: Л. П. оказался прав.

К началу 20-х годов относится целая серия исследовательских работ Л. П. о Пушкине, занявших заметное место в пушкиноведении. Таковы, например, законченная уже в 1922 г. статья «Онегинская строфа» (опубликована в кн.: Пушкин. Сборник первый. Пушкинская комиссия Общ. любителей российской словесности. Ред. Н. К. Пиксанов. М., 1924, стр. 115—162): это — тонкое и написанное с большим вкусом исследование пушкинской строфики. Отдельной книгой изданы были его «Этюды о Пушкине» (М.—Пгр., 1923). Книгу эту составляют три этюда, написанные с большим мастерством: «Пушкин и дендизм», «Искусство анекдота у Пушкина» и «Устная новелла Пушкина». Все названные этюды подкупают свежестью своего подхода к теме, а также искусством своего изложения, но не все научные положения, которые автор стремится обосновать, в равной мере убедительны и бесспорны; некоторые из них (например, в последнем этюде об одном анекдоте о Пушкине, достоверность которого представляется сомнительной) вызвали полемику и несогласия с автором. Более бесспорным был успех двух следующих книг Л. П. — «Пушкин в театральных креслах. Картины русской сцены 1817—1820 гг.» (Л., 1926) и «От Пушкина до Блока. Этюды и портреты» (М., 1926). В первой из этих книг был дан широко и оригинально документированный портрет Пушкина-театрала на фоне развития театральных зрелищ в петербургский период его жизни

lib.pushkinskijdom.ru

(до ссылки); во вторую включен был ряд статей Л. П. о Пушкине, в частности статья «„Пиковая дама“ новелла Анри де Ренье», в которой высказано весьма правдоподобное предположение, что новелла Анри де Ренье «Тайна графини Варвары» (в его книге «Le plateau de laque») написана под сильным воздействием повести Пушкина. Из статей Л. П. о Пушкине первой половины 20-х годов следует отметить такие его этюды, — всегда оригинальные по мысли и привлекательные по своей форме, — как «Пушкин и Андре Шенье» (сб.: «Свиток», М., 1922), относящийся к серии его исследований по стилистике и стиховедению; «Мадригалы Пушкина», «Поэтика сонета». Последняя тонкая статья, лишь частично относящаяся к Пушкину, впервые была опубликована в книге «Проблемы поэтики», вышедшей в свет под редакцией В. Брюсова (М.—Пгр., 1924).

Со второй половины 20-х годов Л. П. с увлечением погружается в изучение биографии Пушкина, собирает старые документальные источники для жизнеописания поэта, открывает и публикует новые; его интересуют отдельные эпизоды биографии Пушкина, судьбы людей, с которыми поэту довелось встретиться. Так возникла, например, книга, собранная и отредактированная Л. П., «Письма женщин к Пушкину. С приложением воспоминаний о Пушкине М. Н. Волконской, Н. А. Дуровой, А. П. Керн, А. М. Каратыгиной-Колосовой и т. д.» (М., 1928); рец. В. Винокурова в журн. «Печать и революция». 1928, кн. 2—3, стр. 140—141. В серии книг той поры «о живом Пушкине» эта хрестоматия из писем и воспоминаний имела большой успех и сыграла свою роль в популяризации биографических данных о Пушкине, в знакомстве с его современниками и друзьями. В особенности много внимания Л. П. уделил изучению последних лет жизни Пушкина и его гибели. Еще в 1929 г. в журнале «Красная нива» (№ 24) Л. П. опубликовал статью «Женитьба Дантеса. Новые материалы о дуэли Пушкина», а затем собрал новые данные о Дантесе после катастрофы 1837 г. («Карьера Д'Антеса». Библиотека «Огонек», М., 1935, № 7); в этой работе была впервые разработана на основании первоисточников политическая биография убийцы Пушкина. Л. П. показал, что «под беспечными чертами юного кавалергарда уже явственно сквозил облик дельца, комбинатора и авантюриста». Этого облика не увидел еще П. Е. Щеголев, посвятившей Дантесу две первые главы в своей известной книге «Дуэль и смерть Пушкина», третьим изданием вышедшей в 1928 г. Вслед за этим Л. П. опубликовал ценные статьи — «Документы о Геккеренах» (Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 2. М.—Л., 1936, стр. 340—358) и в том же издании «Французское свидетельство о дуэли Пушкина» (т. 4—5, М.—Л., 1939, стр. 417—434). Параллельно с этими разысканиями Л. П. вел работу над страницами своей художественной прозы, пытаясь осветить гибель великого поэта в форме документального исторического романа. В книге, изданной первоначально в Харькове, в 1930 г., «Записки Д'Аршиака. Петербургская хроника 1836 г.» (изд. «Пролетарий»; 2-е издание, выпущенное изд. «Федерация», появилось в Москве, в 1931 г., 3-е, в издании «Московского товарищества писателей», — в Москве, в 1939 г.) повествование ведется от имени друга и родственника Дантеса, виконта Д'Аршиака, атташе французского посольства в Петербурге, которого Дантес избрал своим секундантом в поединке с Пушкиным. Форма этих фиктивных записок дала возможность Л. П. изобразить события и нравы 1836 г. с точки зрения стороннего французского наблюдателя. Составляя эти записки на основе тщательно изученных документов эпохи, Л. П. излагал, в сущности, собственную концепцию, сводившуюся к тому убеждению, что, содействуя гибели Пушкина, русское правительство руководствовалось задачей исторической борьбы, находившейся в связи с июльской революцией во Франции: русское правительство смертельно боялось проявления независимого творчества, всякого проявления свободной мысли и подавляло их с безумной жестокостью. «Записки Д'Аршиака» с интересом читались и за рубежом в переводах на языки английский (Лондон и Нью-Йорк, 1948) и польский (Варшава, 1949).

lib.pushkinskijdom.ru

Перечисленные работы, относившиеся к разысканиям Л. П. в области биографии Пушкина, служили подготовкой к его большому обобщающему труду. В 1939 г. в серии «Жизнь замечательных людей» он выпустил первое издание написанной им полной биографии поэта («Пушкин», М., 1939, 648 стр.). Эта прекрасная книга написана мастером биографического жанра и подкупает как достоверностью изложенных в ней фактов, так и привлекательной легкостью и живостью своего изложения. Критика встретила ее единодушными похвалами как одну из лучших биографий Пушкина (свод рецензий см.: Н. Мацуев. Советская художественная литература и критика 1938—1948. Библиография. М., 1952, стр. 399). Свидетельством ее успеха может служить то, что она была переиздана еще 2 раза (2-е, испр. и доп. изд., 1958; 3-е, 1960) большими тиражами (первое — 50 тыс. экз., второе — 90 тыс., третье — 75 тыс.). Подробные сведения об этой книге, перечень отзывов о 2-м и 3-м изданиях см.: «Жизнь замечательных людей». Серия биографий. Каталог 1933—1936. М., 1963, стр. 86. Там же, на стр. 88 и 150, помещены краткая биографическая справка об Л. П. Гроссмане и его портрет.

Работы Л. П. над творчеством Пушкина не прекращались до конца его жизни. Отметим чрезвычайно ценные, полные новых фактов, мыслей, сближений статьи его «Степан Разин в творчестве Пушкина» («Ученые записки Московского городского педагогического института», 1952, т. 20, кафедра русской литературы, вып. 2), «Стиль и жанр поэмы „Руслан и Людмила“» (там же, 1956, т. 48, кафедра русской литературы, вып. 5). В 1960 г. в III томе сборника ИРЛИ «Пушкин. Исследования и материалы» Л. П. опубликовал фундаментальное исследование «У истоков „Бахчисарайского фонтана“» (стр. 49—100), являющееся одной из лучших монографий о «крымской» поэме Пушкина. Три года спустя, 1 июля 1963 г., Л. П., уже тяжело больной, на 10-й объединенной конференции пушкиноведов юга выступил с докладом «Пушкин и Достоевский (к истолкованию «Цыган» в творчестве Достоевского)», оставшимся, к сожалению, неопубликованным.

Таков далеко не полный перечень работ, посвященных Л. П. Гроссманом Пушкину и его времени. Вклад Л. П. в советское пушкиноведение велик и разнообразен. Он не ограничивается, однако, только печатными работами. Нельзя не вспомнить здесь об его увлекательных лекциях, докладах, выступлениях о Пушкине. Автор статьи «Искусство лектора» («Ученые записки Московского городского педагогического института», т. XVIII, 1957), Л. П. был мастером устного слова, и его лекции, читанные во многих городах — Одессе, Москве, Ленинграде, Свердловске, Тбилиси и др., сыграли немалую роль в популяризации русского поэта. Как никто из профессиональных чтецов Л. П. умел читать стихи Пушкина и увлекал многочисленные аудитории даром первоклассного оратора, когда он характеризовал облик поэта или его произведения.

М. П. Алексеев

А. А. АХМАТОВА

5 марта 1966 г. скончалась Анна Андреевна Ахматова, выдающаяся русская поэтесса, член Пушкинской комиссии, на всем протяжении своей литературной деятельности много внимания уделявшая изучению жизни и творчества Пушкина. А. А. Ахматова (настоящая ее фамилия была Горенко) родилась 11 (23) июня 1889 г. в Одессе. С раннего детства А. А. жила в Царском Селе, и этот «город Пушкина», впоследствии получивший имя поэта и неоднократно воспетый ею, немало способствовал возникновению у А. А. культа Пушкина, который она сохранила на всю

lib.pushkinskijdom.ru

жизнь. Уже в первой книге ее стихотворений «Вечер» (1912) помещены были следующие строки о Пушкине-лицеисте, дающие портрет юного поэта на фоне лицейского пейзажа:

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

Образ Пушкина и впоследствии возникал в ее поэзии в разные годы; избранные ею многочисленные пушкинские строки становились эпиграфами к собственным стихотворениям поэтессы, и весь строй ее поэзии неоднократно обнаруживал родственную связь с пушкинской лирикой — простотой и ясностью чеканного слова, подсказанного напряженностью и глубиной сердечных волнений. К 40-м годам относится написанная А. А. своеобразная характеристика поэта («Пушкин», 1943), а также следующие, например, примечательные строки из ее «Вереницы четверостиший»:

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной

(«Бег времени», М.—Л., 1965, стр. 363).

Вся творческая жизнь А. А. была тесно связана с городом на Неве: Петербург—Петроград—Ленинград были вехами на ее трудном поэтическом пути, которым она шла, совершенствуясь и изменяясь, но никогда не изменяя самой себе. «В своем творчестве она соединяла Петербург Пушкина и Блока с нашей жизнью», — говорилось в некрологе А. А. Ахматовой, опубликованном от имени Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР («Ленинградская правда», 1966, 10 марта).

Перу А. А. принадлежит несколько исследовательских работ о творчестве Пушкина, составлявших весьма приметные явления в литературе о нем в послевоенные годы. В 30-е годы А. А. приняла близкое участие в работах Пушкинской комиссии, в частности в текстологических разысканиях и комментаторских трудах, предпринятых комиссией для подготовлявшегося перед памятной датой (1937 г.) нового академического Полного собрания сочинений Пушкина (см.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 1, М.—Л., 1936, стр. 364, 366). Статья «„Адольф“ Бенжамена Констана в творчестве Пушкина» написана А. А. в то время с подлинным артистическим блеском и была весьма важной по своим итогам. Изучая экземпляр 3-го издания романа Б. Констана «Адольф» (1824), находившийся в личной библиотеке Пушкина, А. А. установила, что многочисленные заметки на нем сделаны рукою Пушкина; кроме того, она опубликовала впервые прочтенный ею черновик XXXVIII строфы первой главы «Евгения Онегина» с упоминанием «Адольфа» и связала его со всеми другими многочисленными упоминаниями того же романа в писаниях Пушкина. Выяснилось, что «Адольф» занимал немалое место в истории жанровых исканий Пушкина в конце 20-х годов; он воспользовался некоторыми чертами Адольфа для создания образа своего героя в сатирическом романе («Евгений Онегин»), воспроизвел сюжетную схему «Адольфа» в своем замысле психологической повести (отрывок: «На углу маленькой площади», VIII, 141); тщательность изучения текста «Адольфа» оста-

lib.pushkinskijdom.ru

вила следы даже в романтической «маленькой трагедии» Пушкина «Каменный гость» (см.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 1, стр. 94—114). В статье «Последняя сказка Пушкина» («Звезда», 1933, № 1, стр. 161—176) А. А. установила, что одним из важнейших источников «Сказки о золотом петушке» была «Легенда об арабском звездочете» В. Ирвинга в его книге «Альгамбра», вышедшей в Лондоне в 1832 г. и известной Пушкину по французскому переводу этой книги, изданному в том же году («Les contes d'Alhambra»). Сделанное А. А. сопоставление «Сказки о золотом петушке» с новеллой Ирвинга о звездочете показало, в каком направлении шла переработка Пушкиным этого сюжета: он сделал гротескным образ царя Додона, приблизил лексику своей сказки к просторечию и т. д.; отмечены были также «те исторические и биографические предпосылки, которые могли вызвать появление этой сказки-сатиры» (см.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, стр. 440). Эта статья А. А. — в особенности в связи с пересмотром в то время проблемы об источниках сказок Пушкина и об отношении их к русскому фольклору — вызвала продолжительную полемику, однако отрицательное отношение к установленной А. А. в данном случае зависимости сюжета пушкинской сказки от новеллы Ирвинга не имело достаточных оснований: речь шла не о гипотезе, а о бесспорном факте. «Справедливость мнения относительно использования Пушкиным в его работе над сказкой текста новеллы Ирвинга, — пишет новейшая исследовательница, — подтверждается и тем, что среди набросков Пушкина имеется отрывок, известный под произвольным названием „Опыт детского стихотворения“ и восходящий непосредственно к одному месту „Легенды о звездочете“, являясь его пересказом» (И. П. Лупанова. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX в. Петрозаводск, 1959, стр. 177—182). Указанное А. А. сходство не исключало, однако, ни отличий между обоими произведениями, ни других литературных воздействий, которые в своей сказке испытал Пушкин. Пушкинский Звездочет похож на ирвинговского, но у Ирвинга не было «Золотого петушка». Были сделаны попытки найти его в другом месте: некоторые исследователи допускали знакомство Пушкина с русскими народными сказками типа «Петух и жерновцы». Академик Андре Мазон предложил другую и более правдоподобную догадку в своей статье, к сожалению, оставшейся мало известной советским пушкинистам, «Pouchkine, Klinger et Irving» (Mélanges en l'honneur de Jules Legras. Paris, 1939, pp. 1—8). В этой статье А. Мазон обратил внимание на то, что отдельные мотивы «Сказки о золотом петушке» встречаются в арабском фольклоре (откуда они, кстати, и попали в новеллу Ирвинга), в «Истории Нуреддина и рабыни Мириам», помещенной в книге «Contes inédits des Mille et une nuits» (эта книга, составленная из арабских источников, переведенных на французский язык в 1828 г. Гаммером и Требютьеном, также находилась в библиотеке Пушкина; см. в этой книге т. II, стр. 415—416), в «Guzla» П. Мериме; в особенности же обращает на себя внимание сказка Ф. М. Клингера «История золотого петушка» («Die Geschichte von Goldenen Hahn», 1785), которую Пушкин, несомненно, знал во французском переводе. Отметим попутно, что о знакомстве Пушкина с Ирвинговской легендой о звездочете можно было бы говорить даже в том случае, если бы экземпляр «Альгамбры» отсутствовал в его библиотеке. Среди знакомых Пушкина по кружку «Зеленой лампы» был кн. Д. И. Долгорукий; впоследствии он был дипломатом, состоял одно время при русском посольстве в Мадриде и считался большим знатоком Испании. Среди приятелей Долгорукого был и В. Ирвинг, дававший ему для отзыва и исправлений рукописи своих очерков из книги «Альгамбра» задолго до их появления в печати (см.: Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX вв. из Ленинградских рукописных собраний. М.—Л., 1960, стр. 272).

В 1947 г. А. А. закончила еще одну статью «Каменный гость» Пушкина, но она увидела свет только десятилетие спустя (в кн.: Пушкин.

lib.pushkinskijdom.ru

Исследования и материалы, т. II. Л., 1958, стр. 185—195). Эта статья представляет собою интересную попытку объяснить некоторые особенности «Каменного гостя» личными переживаниями Пушкина начала 1830 г. «Внимательный анализ „Каменного гостя“, — писала А. А. в этой статье, — приводит нас к твердому убеждению, что за внешне заимствованными именами и положениями мы, в сущности, имеем не просто новую обработку мировой легенды о Дон-Жуане, а глубоко личное, самобытное произведение Пушкина, основная черта которого определяется не сюжетом легенды, а собственными лирическими переживаниями Пушкина, неразрывно связанными с его жизненным опытом».

В последние годы жизни А. А. много работала над книгой о гибели Пушкина, которая близилась к своему завершению. Друзья покойной читали в рукописи готовые главы из этой книги («Alexandrine», «Пушкин и Невское взморье»). Надо надеяться, что эта значительная книга увидит свет в недалеком будущем.

М. П. Алексеев

К. П. ЛАХОСТСКИЙ

3 августа 1966 г. скончался Кирилл Павлович Лахостский (р. 12 апреля 1901 г.), доцент Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, видный специалист по методике преподавания русской литературы, много сил и внимания уделявший изучению и популяризации Пушкина. Окончив в 1923 г. педагогический техникум в г. Угличе, он с 1923 по 1930 гг. работал учителем в известной школе им. Достоевского (ШКИД), параллельно (1925—1930 гг.) занимаясь на Высших курсах искусствоведения при Государственном институте истории искусств. В 1930—1940 г. К. П. Лахостский преподает в школе ФЗУ Ленсовета и на рабфаке при заводе «Электросила», а с 1939 г. — в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена. Война прервала педагогическую деятельность К. П. Лахостского; он возвращается к ней в 1947 г., поступив преподавателем в 75-ю школу рабочей молодежи и одновременно — методистом Ленинградского городского института усовершенствования учителей. С 1954 г. он вновь — старший преподаватель (с 1959 г. — доцент) кафедры методики литературы Института им. Герцена, где осенью 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию «Изучение жизни и творчества А. С. Пушкина в 8 классе» (автореферат диссертации под этим заглавием издан Ленинградским государственным пед. институтом им. Герцена в 1958 г., 21 стр.), которая представляет собой итог его продолжительных занятий биографией и творчеством Пушкина по первоисточникам, а также методической литературой, подкрепленный собственным долголетним педагогическим опытом.

Вся деятельность К. П. Лахостского как словесника-методиста была посвящена главным образом Пушкину. Опыт школьного преподавания творчества Пушкина, методика работы в школе с его произведениями, проблемы эстетического образования и воспитания, вставшие перед учителями в процессе изучения Пушкина, структура школьных программ в связи с объемом знаний, которые должен получить о великом русском поэте советский школьник, — вот вопросы, которые интересовали Кирилла Павловича на протяжении нескольких десятилетий. Еще в 1953 г. К. П. Лахостский принял близкое участие в работе педагогической секции Третьей Всесоюзной пушкинской конференции (см. «Труды» этой конференции, М.—Л., 1953, стр. 414—444) и с тех пор был неизменным участником всех последующих пушкинских конференций в Ленинграде, Новгороде, Пскове и других городах. В 1956 г. К. П. Лахостский (совместно с В. Ф. Фроловой) выпустил в Ленинградском отделении Учебно-педагогического издательства ценную книгу «Пушкин в школе. Пособие для учителя» (413 стр.,

lib.pushkinskijdom.ru

два издания), за нею последовало много других пособий и методических статей о преподавании отдельных произведений Пушкина в школе: о «Борисе Годунове» (Учпедгиз, Л., 1957, ранее в журнале «Литература в школе», 1952, № 6, стр. 31—40), об изучении лирики Пушкина в VIII классе (там же, 1954, № 6, стр. 26—35), о «Цыганах» (там же, 1955, № 6, стр. 29—38), о стихотворении «Вновь я посетил» («Ученые записки Ленинградского педагогического института им. Герцена», т. 14, 1956, стр. 127—143) и т. д. Самостоятельное значение имеют научно-популярные работы Кирилла Павловича «„Евгений Онегин“, роман в стихах А. С. Пушкина» (Л., 1962, 72 стр.) и «Пушкин. Биография», пособие для учащихся (М.—Л., изд. «Просвещение», 1964, 176 стр.).

Статью «Памяти К. П. Лахостского» см.: «Литература в школе», 1966, № 6, стр. 92.

А. С. Дегожская

ПУШКИНСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

С 4 по 6 июня 1964 г. в Ленинграде, в Институте русской литературы (Пушкинский дом) проходила XVI Всесоюзная пушкинская конференция, посвященная вопросам изучения художественного метода Пушкина и роли Пушкина в идейно-эстетическом воспитании народа. Отчеты о ней см.: В. Э. Вацуро. Всесоюзная пушкинская конференция. «Вестник АН СССР», 1964, № 9, стр. 140—141; В. Г. Маранцман. XVI Всесоюзная пушкинская конференция «Литература в школе», 1964, № 4, стр. 94—96; На Пушкинской конференции. «Русский язык в киргизской школе», 1964, № 4, стр. 30—32; В. Непомнящий. На XVI Всесоюзной пушкинской конференции. «Вопросы литературы», 1964, № 9, стр. 236—242.

3—4 июня 1965 г. в Пскове состоялась очередная XVII Пушкинская конференция, организованная Институтом русской литературы (Пушкинский дом) совместно с Псковским педагогическим институтом им. С. М. Кирова. Отчеты о ней см.: В. Э. Вацуро. 1) XVII Пушкинская конференция в Пскове. «Вестник АН СССР», 1965, № 8, стр. 103—104; 2) XVII Пушкинская конференция. «Русская литература», 1965, № 4, стр. 228—230; О. А. Пини. XVII Пушкинская конференция. «Известия АН СССР, серия литературы и языка», т. XXIV, вып. 6, 1965, стр. 561—563.

6—7 июня 1966 г. в Ленинграде, в Институте русской литературы (Пушкинский дом) состоялась XVIII Пушкинская конференция, посвященная двум проблемам — «Пушкин и декабристы» и «Пушкин и русская литература XVIII века». О ней см.: Р. В. Иезуитова. XVIII Пушкинская конференция. «Вестник АН СССР», 1966, № 9, стр. 129—130; Л. А. Шейман. Восемнадцатая Пушкинская. «Русский язык в киргизской школе», 1966, № 4, стр. 28—33.

19—20 мая 1966 г. в Пскове состоялась III Пушкинская конференция, проведенная Псковским педагогическим институтом им. С. М. Кирова, участие в которой приняли пушкинисты и преподаватели вузов различных городов Советского Союза (Москвы, Ленинграда, Риги, Тарту, Астрахани, Тамбова, Великих Лук, Кишинева и т. д.). Работа конференции, на которой было заслушано 18 докладов и сообщений, шла по трем основным направлениям.

Большая группа докладов была посвящена проблеме воздействия Пушкина на литературное движение в России второй половины XIX в., а также на формирование и развитие советской литературы. В докладе «Пушкин и советская поэзия 20-х годов» канд. филол. наук В. Н. Голицына (Псков) подробно охарактеризовала острую идейную борьбу, разгоревшуюся в первые послереволюционные годы вокруг пушкинского на-

lib.pushkinskijdom.ru

следия и отражающую столкновение различных тенденций общественно-литературного развития. Докладчица осветила роль поэзии Пушкина в создании новой социалистической культуры.

Канд. филол. наук Н. М. Владимирская (Великие Луки) остановилась на теме пугачевского восстания в художественной прозе Пушкина и Лермонтова, подчеркнув общее в исторических концепциях «Капитанской дочки» Пушкина и «Вадима» Лермонтова и рассмотрев оба романа как выражение единой тенденции прогрессивной русской литературы 30-х годов XIX в.

Доцент Великолукского пединститута В. С. Белькинд в докладе «От Пушкина к Достоевскому» изложил свое понимание эволюции типа «маленького человека» в русской литературе, оспорив ряд более или менее частных утверждений исследователей этой темы (А. Белецкого, В. Виноградова, В. Кирпотина и др.). В «Шинели» Гоголя и «Бедных людях» Достоевского, считает докладчик, получили свое развитие те потенции образа маленького человека, которые были впервые намечены Пушкиным.

Проблеме «Пушкин и Достоевский» посвятил свой доклад канд. филол. наук К. И. Тюнькин (Москва). Докладчик затронул ряд вопросов, поставленных в статьях и высказываниях Достоевского о Пушкине в 1860-е годы (Пушкин как «современный тип», проблема «русского скитальца» и т. п.), отметив при этом влияние на Достоевского трактовок Пушкина в статьях Ап. Григорьева и Н. Страхова. Касаясь вопроса об использовании пушкинских традиций в художественном творчестве Достоевского 40—60-х годов, К. И. Тюнькин подчеркнул своеобразие конкретно-художественного развития этих традиций в свете общественно-литературных задач новой исторической эпохи.

Доцент Ленинградского университета Б. Ф. Егоров в докладе «Аполлон Григорьев о Пушкине» охарактеризовал своеобразие общественно-литературной позиции Ап. Григорьева, показав, как в ходе эволюции в сложном приближении и отталкивании от революционно-демократической критики, с одной стороны, и славянофильской — с другой, Ап. Григорьев приходит к выработке собственной концепции Пушкина. Наметив точки соприкосновения и расхождения в интерпретации Пушкина с Достоевским, Б. Ф. Егоров одновременно подчеркнул, что в 60-е годы Ап. Григорьев выделяет в пушкинском творчестве не только «белкинское начало», но и начала протеста. Масштабность Пушкина, считает докладчик, позволила критику рассмотреть дальнейший ход русской литературы с точки зрения развития в ней пушкинских традиций.

В центре внимания большинства докладчиков были спорные и недостаточно разработанные проблемы биографии и творчества Пушкина, в особенности наиболее сложного периода конца 1820-х—1830-х годов.

Ряд докладов был связан с изучением отдельных произведений поэта, таких как «Евгений Онегин» (Е. Е. Соллертинский. «Лирические отступления в романе „Евгений Онегин“»; Н. В. Соловей. «Работа Пушкина над характеристикой большого света в VIII главе „Евгения Онегина“».), «Домик в Коломне» (Л. С. Сидяков. «Поэма „Домик в Коломне“ и художественные искания Пушкина рубежа 30-х годов XIX века»), «Памятник» (С. С. Теньковский. «Некоторые лексико-стилистические проблемы перевода поэзии Пушкина на английский язык»). В некоторых докладах получили освещение те или иные периоды биографии Пушкина (канд. филол. наук Г. Ф. Богач. «Правда и вымысел в бессарабских преданиях о Пушкине»; Т. Ю. Мальцева. «Михайловское в письмах С. Л. и Н. О. Пушкиных к О. С. Павлищевой»), а также роль Пушкина в истории изучения отечественной науки (канд. геол.-минер. наук А. Н. Иванов. «Пушкин о Ломоносове. К истории выяснения ученых заслуг Ломоносова»).

Доцент Е. Е. Соллертинский (Астрахань) напомнил о важной идейно-художественной функции лирических отступлений в «Евгении Онегине», упрекнув исследователей пушкинского романа в недостаточном

lib.pushkinskijdom.ru

внимании к этой интересной проблеме. Докладчик коснулся ряда специфических особенностей лирических отступлений в «Евгении Онегине», образующих, по его мнению, сложную лирическую стихию, соотнесенную с сюжетом романа и образами героя, с одной стороны, и образом автора — с другой.

Изучение черновиков VIII главы «Евгения Онегина» позволило канд. филол. наук Н. В. Соловью (Рига) охарактеризовать основные этапы работы Пушкина над картинами «большого света» в романе «Евгений Онегин» и внести ряд уточнений в их понимание.

В связи с общими изменениями в реалистической системе Пушкина, происходящими в конце 20-х годов и нашедшими известное выражение в творчестве 30-х годов, рассмотрел поэму Пушкина «Домик в Коломне» канд. филол. наук Л. С. Сидяков. Сопоставление «Домика в Коломне» с «Евгением Онегиным» позволило докладчику определить жанр произведения как «повесть в стихах», близко соприкасающуюся со знаменитым «романом в стихах». Вместе с тем, утверждает докладчик, «Домик в Коломне» является произведением нового художественного этапа, поставившего перед Пушкиным иные задачи, реализованные в «обыденности» и «ничтожности» сюжета и героев «Домика в Коломне.

В докладах, связанных с жанрами поэзии Пушкина, на примере баллады (Р. В. Иезуитова. «Пушкин и судьбы русской баллады») и философской лирики (канд. филол. наук Е. А. Маймин. «Пушкин и философское направление в русской поэзии 20—30-х годов XIX столетия») докладчики прослеживали процесс формирования в творчестве Пушкина нового художественного метода — реализма, своеобразно сказавшегося в различных жанрах. Так, Е. А. Маймин показал соотношение философской линии в русской поэзии 20—30-х годов XIX в. с поэтической системой Пушкина этих лет, раскрыв черты общности и различия в философских воззрениях Пушкина и поэтов конца 20-х—начала 30-х годов.

Сложным проблемам, связанным с пониманием общественно-исторического процесса в России конца XVIII—начала XIX в., были посвящены доклады Ю. М. Лотмана («Наследие XVIII века в творческих исканиях Пушкина конца 20-х—начала 30-х годов») и В. В. Пугачева («Пушкин и революция 1830 года (к истолкованию статей о Радищеве)»), в которых была по-новому освещена литературно-политическая позиция Пушкина второй половины 20-х—30-х годов.

Докт. филол. наук Ю. М. Лотман (Тарту) в своем докладе раскрыл важную роль философских и этических представлений XVIII в., которые не были для Пушкина суммой неизменных суждений, а являли собою живую, движущуюся во времени и историческом пространстве систему воззрений на человека, общество и природу. В условиях последекабрьской действительности в России и новой волны буржуазной революционности в Европе Пушкин по-новому истолковывал проблемы XVIII века как «века революции», с одной стороны, и «века философии» — с другой. В докладе была сделана попытка определить природу отношения Пушкина к этим двум проблемам на материале его творчества конца 20-х—начала 30-х годов XIX в. Прослеживая процесс переоценки ценностей, выработанных общественно-политической и философской мыслью XVIII в., докладчик поставил ряд вопросов, актуальных для творчества Пушкина конца 20-х—начала 30-х годов (о соотношении истории и личности, человека и среды, о влиянии общественно-исторических концепций на композиционные решения Пушкина 20—30-х годов и т. д.).

Докт. ист. наук В. В. Пугачев (Горький) охарактеризовал эволюцию отношения Пушкина к Радищеву в свете тех грандиозных исторических сдвигов, свидетелем которых был Пушкин (революционное движение 20-х годов в Европе, декабрьское восстание в России, французская революция 1830 года) и которые заставили его по-новому оценить политическую программу Радищева и подвергнуть критическому пересмотру ряд его

lib.pushkinskijdom.ru

идей. Нет никаких оснований, считает докладчик, объяснять новую оценку Радищева уступками цензуре. Для характеристики особенностей политической позиции Пушкина конца 20-х—начала 30-х годов В. В. Пугачев привлек высказывания современников поэта о Николае I и, в частности, малоизвестные воспоминания Ю. Струтынского о разговоре Пушкина с Николаем I в 1826 г.[1]

Большое внимание на конференции было уделено вопросам преподавания Пушкина в средней школе.

О задачах учителя-словесника при изучении Пушкина и новых веяниях в методике преподавания литературы в школе рассказал директор Ленинградского областного института усовершенствования учителей М. Г. Качурин, подчеркнувший огромную роль поэзии Пушкина в воспитании эстетического вкуса и морального облика советского школьника.

Своим опытом изучения в школе стихотворения Пушкина «Памятник» поделилась с присутствующими Ф. С. Марат (Псков), разработавшая методику выразительного чтения стихотворения как важнейшего средства целостного, эстетически полноценного восприятия этого замечательного произведения учащимися.

Выступавшие в прениях В. А. Мануйлов (Ленинград), Ю. М. Лотман (Тарту), Б. Ф. Егоров (Ленинград), В. С. Белькинд (Великие Луки) и др. отметили научное значение многих прочитанных на конференции докладов и высказались по ряду актуальных проблем современного пушкиноведения.

Р. В. Иезуитова

МОСКОВСКИЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА в 1964—1965 гг.

Собрание музея пополнилось многими новыми материалами. Среди них уникальные портреты А. А. Дельвига и его жены С. М. Дельвиг (акварель Шлезингера, 1827 г.), портреты Н. И. Гончаровой (матери Н. Н. Пушкиной), А. П. Мусина-Пушкина и др. Значительно расширился и отдел советского искусства: портреты Пушкина и иллюстрации к его произведениям представлены работами Н. Ульянова, К. Юона, П. Пискарева, Е. Рудакова; особо следует отметить серию иллюстраций крупнейшего советского графика Е. Кибрика к «Борису Годунову» (1962 г.). Среди новых книжных материалов том «Сочинений» Н. М. Карамзина, изданный в 1848 г., с пометами на полях П. А. Вяземского, корректура неосуществленного издания книги «Жена Пушкина по воспоминаниям дочери» с редакторской правкой М. А. Цявловского. Интересны новые переводы произведений Пушкина на европейские языки, поступившие в библиотеку музея.

Ценнейшим приобретением музея является библиотека русской поэзии, собиравшаяся в течение всей жизни профессором И. Н. Розановым и переданная музею его вдовой К. А. Марцишевской. Из разных городов Союза и из-за рубежа приходят в музей книги с пожеланием, «чтобы никогда не старелось детище И. Н. Розанова».

Как и раньше, в работе музея принимают активное участие москвичи — любители Пушкина, коллекционеры, библиофилы. Только в 1965 г. музей получил в дар от своих друзей 326 единиц изобразительных материалов и около 3.5 тысяч книг.

Большое внимание уделяется научной работе. Сотрудники музея занимались темами, связанными с проблемами творчества Пушкина и с изучением музейных материалов. В портфеле музея имеются подготовленные

[1] Вторая часть доклада В. В. Пугачева («К эволюции политических взглядов А. С. Пушкина после восстания декабристов») в настоящее время напечатана в «Ученых записках Горьковского университета, серия историко-филологическая» (1966, т. II, вып. 78, стр. 665—691).

lib.pushkinskijdom.ru

к публикации работы Н. Баранской «Детский портрет Пушкина»,[1] С. Овчинниковой «Проблематика „Пира во время чумы“», М. Андреевской «П. Бунин — иллюстратор Пушкина».

Широкой популярностью пользуются открытые научные заседания; только за последний год их посетило 2300 человек. С докладами и сообщениями выступили А. Аникст, И. Андроников, С. Бонди, В. Виноградов, Э. Герштейн, Т. Цявловская, Н. Эйдельман и др. Музей начал цикл «Чтений с комментариями». Первым в этом жанре выступил проф. С. М. Бонди. Его интерпретация «Пророка» вызвала оживленную полемику. С чтением «Моцарта и Сальери» выступил А. А. Белкин. Музеем Пушкина совместно с Московской государственной филармонией был впервые организован «Пушкинский абонемент», для которого отобраны лучшие программы московских чтецов и артистов.

На литературном вечере «Пушкин в годы Великой Отечественной войны» выступили с воспоминаниями И. Андроников, Н. Гудзий, прозвучали стихи советских поэтов, в годы войны обращавшихся к пушкинской теме. 140-летию со дня восстания декабристов был посвящен вечер «Друзья, братья, товарищи». Среди других вечеров, проведенных музеем, отметим вечер памяти Антона Шварца. Сохранившиеся грамзаписи позволили вновь услышать произведения Державина, Пушкина, Гоголя в исполнении этого выдающегося мастера художественного слова. Состоялись выступления Д. Н. Журавлева, И. Л. Андроникова, С. Юрского, концерт «Театр имени Евг. Вахтангова — Пушкину» и др.

За последние годы заметно возросла посещаемость музея. Разными формами работы — экскурсиями, концертами, лекциями, докладами — музей обслужил в 1964 г. 117 тысяч человек и в 1965 — 118 тысяч. Значительно расширилась тематика экскурсий и лекций. Всего в 1965 г. было прочитано 150 лекций, из них 113 — вне музея.

Е. В. Муза

ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ в 1964—1965 гг.

В Пушкинском заповеднике была проделана значительная работа по реставрации и восстановлению элементов усадебной архитектуры — строений, существовавших при Пушкине и утраченных в свое время. В усадьбе поэта, в с. Михайловском, были восстановлены пушкинский флигель (дом приказчика), людская изба. Здесь же восстановлен в соответствии со строительной практикой пушкинского времени (характерной для Псковщины) амбар, деревянный, крытый соломой. Восстановление этих пушкинских памятников завершило создание центральной части усадьбы поэта в таком виде, какой был при жизни А. С. Пушкина. Вокруг Успенского собора, у могилы А. С. Пушкина, восстановлена в прежних размерах могильная площадка. На площадке вокруг могилы А. С. Пушкина проведены работы с целью предохранить могильный склеп от возможного проникновения влаги. Все эти реставрационные работы проводились Псковской специальной научно-реставрационной мастерской. Сотрудниками собраны материалы, на основе которых Псковская научно-реставрационная мастерская составила проект восстановления дома Ганнибалов в Петровском и каменного грота-беседки там же (восстановление их начнется в 1967 г.). В Доме-музее А. С. Пушкина осуществлена новая экспозиция ряда разделов. Проведена также реэкспозиция Дома-музея в Тригорском и Успенского собора Святогорского монастыря-музея.

[1] В сокращении опубликовано: Н. Баранская. История Пушкинской миниатюры. «Наука и жизнь», 1966, № 3, стр. 32—41.

lib.pushkinskijdom.ru

В Пушкинском заповеднике по традиции были торжественно отмечены годовщины рождения и смерти великого поэта. 10 февраля 1964 г. на могиле поэта состоялось торжественное памятное собрание, были возложены венки от многочисленных организаций. 15 февраля в Пушкинских Горах в Доме культуры на торжественном вечере с докладом «Пушкин в Михайловском и 14 декабря 1825 года» выступил докт. филол. наук А. И. Гербстман. 128-я годовщина со дня смерти А. С. Пушкина была отмечена возложением венков на его могиле и торжественным собранием в Пушкиногорском Доме культуры, на котором с докладом «Лирика А. С. Пушкина» выступил докт. филол. наук Г. П. Макогоненко. Вечер завершился большим концертом ленинградских и московских артистов, выступлениями писателей и поэтов. Пушкинские торжества, посвященные 165-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина, начались 6 июня 1964 г. торжественным собранием в Пушкиногорском Доме культуры. С докладом «Поэзия „Евгения Онегина“» выступил докт. филол. наук Б. П. Городецкий. 7 июня на могилу Пушкина были возложены венки, после чего в с. Михайловском состоялось народное гуляние. В празднике 7 июня 1964 г. приняло участие более 50 тысяч человек. 5 июня 1965 г. в Пушкиногорском Доме культуры собрались трудящиеся Псковщины, гости из ряда городов, чтобы отметить 166-ю годовщину со дня рождения А. С. Пушкина. На торжественном вечере с докладом «Пушкин в сознании народа» выступил докт. филол. наук Б. С. Мейлах.

6 июня 1965 г., после возложения венков на могилу поэта, в с. Михайловском началось традиционное народное гулянье. В этот день музеи Пушкинского заповедника посетило более 25 тысяч человек, а всего в празднике приняло участие более 60 тысяч человек (см. Ц. О. «Правда», 7 июня 1965 г.). По давней традиции были отмечены также годовщины приезда Пушкина в михайловскую ссылку. 140-й годовщине со дня приезда поэта в ссылку были посвящены «Пушкинские чтения», состоявшиеся в Доме-музее в Тригорском 21 и 22 августа 1964 г. Научные сотрудники Заповедника, канд. филол. наук А. Ф. Теплов и Т. Ю. Мальцева, выступили с докладами «Пушкин и тригорские девицы» и «Пушкин и тверские Вульфы». Научный сотрудник Государственного музея П. И. Чайковского в Клину Н. Н. Викторова сделала сообщение «Чайковский и Пушкин». Были заслушаны доклады об обстоятельствах гибели Пушкина — ученого секретаря Пушкинской комиссии АН СССР О. А. Пини, «Мое понимание Михайловского» — директора Пушкинского заповедника С. С. Гейченко. С сообщением «Тема гибели Пушкина в русской поэзии 1-й половины XIX в.» выступил научный сотрудник Пушкинского заповедника В. Я. Шпинев. «Чтения» завершились большим концертом с участием народного артиста РСФСР Д. Н. Журавлева, артиста Московской филармонии Я. М. Смоленского и артистов Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова.

141-я годовщина со дня приезда Пушкина в михайловскую ссылку была отмечена «Пушкинскими чтениями» 20 и 21 августа 1965 г. С докладами и сообщениями выступили: В. С. Бозырев («Пушкинские места и творчество советских художников»), В. Я. Шпинев («Псковский знакомый Пушкина В. И. Всеволодов»), Т. Ю. Мальцева («Пушкины — поэты»), В. К. Зажурило («Место дуэли Пушкина»), С. С. Гейченко («Г. А. Пушкин, сын поэта, в Михайловском»). Состоялся концерт студентов и преподавателей Ленинградской консерватории и участников оперной студии Ленинградского Дворца культуры им. Горького.

Для пополнения экспозиции музеев предметами старинного крестьянского быта, а также для сбора легенд и преданий о Пушкине и пропаганды среди сельского населения творческого наследия великого русского поэта научные сотрудники Заповедника совершили в 1964—1965 гг. этнографические экспедиции в Велейский сельский совет Новоржевского района и Порховский район Псковской области. Для обмена опытом массово-экскурсионной и научно-музейной работы они выезжали в экспедиции

lib.pushkinskijdom.ru

в Вильнюс и Новгород. Были созданы или пополнены новыми материалами «Пушкинские комнаты» в Псковском областном культпросветучилище, школе-интернате № 2 г. Пскова, в Пушкиногорской средней школе им. А. С. Пушкина, в Велейском народном музее. Для этого выделены экспонаты из вспомогательного музейного фонда, не вошедшие в настоящее время в экспозицию.

В порядке помощи различным уголкам, клубам, кабинетам и т. д. было послано более 200 посылок-бандеролей с материалами о Пушкинском заповеднике. На Пушкиногорской турбазе, в ряде колхозов, совхозов и учреждений района работали постоянно действующие «Пушкинские лектории».

К 20-летию со дня победы над фашистской Германией в выставочных залах Тригорского дома-музея были открыты выставки: «Пушкинский заповедник в годы Отечественной войны» и выставка живописца В. Малиновского «Партизаны» (50 живописных работ). Проведена большая работа по сбору сведений о воинах Советской Армии, принимавших участие в боях за освобождение пушкинских мест от гитлеровцев. В выставочных залах Дома-музея Тригорского и «Братского» корпуса Святогорского монастыря в 1964—1965 гг. экспонировались выставки на пушкинские темы: акварельных этюдов Н. Корнилова (Ленинград), В. Смирнова (Псков), С. Фролова (Ленинград), В. Звонцова (Ленинград), живописных этюдов лауреата Государственной премии Б. Щербакова (Москва), гравюр А. Мищенко (Москва) и работ студентов-практикантов Института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина.

В июле 1965 г. в Пушкинском заповеднике было проведено Всероссийское совещание — семинар работников литературных и мемориальных музеев. Открывая совещание, начальник отдела музеев Министерства культуры РСФСР М. Кайнова сказала: «Главная цель нашего совещания — показать, как следует гармонично сочетать в музее мемориальный комплекс и литературную экспозицию, как они, дополняя друг друга, должны показать творческую лабораторию художника слова или кисти». «В Пушкинском заповеднике, — подчеркнула М. Кайнова, — удачно сочетаются все аспекты литературно-мемориальной работы».

В Пушкинском заповеднике в 1964—1965 гг. побывало более 500 тысяч экскурсантов из всех уголков Советского Союза, гости из братских социалистических стран, из Индонезии, Сомали, Эквадора, Индии, Японии, Мексики, Франции и других стран. В числе гостей в заповеднике были писатели и поэты В. Каверин, П. Антокольский, М. Дудин, Г. Некрасов, Ю. Нагибин, Б. Ахмадулина и др., многие деятели науки, искусства, кино.

По нескольку дней посвятили знакомству с Пушкинским заповедником Жан Поль Сартр с супругой, писательницей С. де Бовуар, английский композитор Б. Бриттен и солист лондонского театра «Ковент Гарден» П. Пирс, японский писатель и переводчик советской литературы на японский язык Такуя Хара, посол Республики Индии в СССР Т. Н. Кауль. За это время гостями Пушкинского заповедника были также потомки великого русского поэта: правнучка Т. Н. Галина (Москва), праправнуки С. Е. Клименко и А. В. Кологривов (Москва), праправнук Г. М. Воронцов-Вельяминов (Париж). Киностудии «Моснаучфильм» и Ленинградской хроники отсняли несколько киносюжетов о Пушкинском заповеднике.

В. С. Бозырев

lib.pushkinskijdom.ru

УГОЛОК А. С. ПУШКИНА В САРАТОВЕ

В 1854 г. в Саратове открылся Мариинский институт для девушек-дворянок. В то время подобные учебные заведения назывались «институтами благородных девиц» и представляли собою средние учебные заведения закрытого типа. Саратовский институт был закрыт в 1918 г. В начале нынешнего века в нем существовал Пушкинский уголок, т. е. нечто вроде маленького музея, посвященного великому поэту. Среди его экспонатов находились очень ценные реликвии.

Пушкиноведческий кружок при Саратовском педагогическом институте попытался собрать сведения об истории этого уголка, когда и кем был он создан и что находилось в его коллекциях. Нами были разысканы и опрошены некоторые воспитанницы института, несколько его бывших сотрудников. Изучены были также документы. В результате произведенных изысканий его история представляется ныне в следующем виде.

С 1901 по 1915 г. начальницей института состояла Татьяна Борисовна Семечкина (1845—1919). Она приходилась родной племянницей К. К. Данзасу, секунданту на трагической дуэли Пушкина; ее отец, Борис Карлович Данзас (1799—1868), был родным братом секунданта.[1] Сама она родилась 5 июня 1845 г., получила хорошее домашнее образование, училась музыке у великого русского пианиста и композитора Антона Рубинштейна. После смерти мужа, офицера военного флота, в 1891 г. она поступила на государственную службу и первое время исполняла обязанности главной надзирательницы Александровской женской гимназии в Петербурге. В 1893 г. Т. Б. Семечкина была направлена на Всемирную выставку в Чикаго представительницей от учреждений ведомства императрицы Марии; в 1896 г. она присутствовала на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде (ныне г. Горький); это была не только промышленная, но и художественная выставка, наиболее значительная в дореволюционной России; в 1900 г. Т. Б. Семечкина ездила на Всемирную выставку в Париже.

Таким образом, в Т. Б. Семечкиной можно видеть не только образованную женщину своего времени, но и человека с известными организаторскими навыками.

В 1901 г. Т. Б. Семечкина была назначена директрисой в Саратовский институт благородных девиц. Постановка дела в институте до ее назначения требовала значительных улучшений. В 1915 г. в возрасте 70 лет она получила длительный отпуск, выехала в Петроград и больше уже в Саратов не возвращалась. По воспоминаниям бывших воспитанниц и служащих института, Т. Б. Семечкина была деловым человеком, внимательным и отзывчивым. Ею и был создан уголок Пушкина в одной из комнат ее казенной квартиры при институте. Институт помещался там, где сейчас находится 95-я школа на площади Восстания (частично это здание занято «Домом труда и просвещения»).

По воспоминаниям бывшей воспитанницы института И. Ф. Варниной, сама Т. Б. Семечкина о возникновении уголка рассказывала так: «Конечно, все самое ценное было собрано уже моим дядей, секундантом Пушкина. Он хранил это просто как самое дорогое для себя. Семьи у него не было, и моему отцу все досталось в первоначальном виде. Он понимал, что это ценно для всех, и приумножил и собирал по крупице, что мог найти. Для меня наследие отца — это был дар бесценный, и потому я так ревниво отношусь к этим вещам. А беречь трудно. Есть и праздное любопытство и корыстные предложения...».[2]

Т. Б. Семечкина очень ревниво относилась к своим коллекциям; далеко не каждый желающий мог посмотреть их. Из институток в уголке бывали только избранные, обычно по просьбе преподавателя литературы. Некото-

[1] М. А. Цявловский. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, стр. 239.

[2] Из неопубликованного дневника И. Ф. Варниной.

lib.pushkinskijdom.ru

рые учителя, проработав много лет в институте, никогда не видели этого уголка. Рассказывали, что Т. Б. Семечкина отказала в осмотре уголка даже жене саратовского губернатора. Что же представлял собою пушкинский уголок и что было собрано в нем?

В Саратовском областном краеведческом музее хранится альбом фотографий Мариинского института. На одном из снимков запечатлен уголок Пушкина. Здесь видна комната, заставленная вещами, на стенах картины, множество портретов, фотографий, барельефы, висячая книжная полка. В правом углу на подставке стоит бюст Пушкина работы И. И. Витали, выше на стене — гипсовая маска, сделанная по просьбе В. А. Жуковского С. И. Гальбергом на другой день после смерти поэта. Маска эта демонстрировалась на Пушкинской выставке в Петербурге.[3] Влево от бюста небольшая фотография К. К. Данзаса в старости, рядом в рамке лист бумаги, никаких изображений на нем нет. Полагаем, что это и есть письмо поэта к К. К. Данзасу с просьбой быть его секундантом. В настоящее время такое письмо неизвестно, но нам говорили о нем несколько лиц: бывшие воспитанницы института М. И. Черкасова, А. И. Черкасова, И. Ф. Варнина и Е. И. Кожина, много лет проработавшая горничной у Т. Б. Семечкиной. На наш вопрос — не помнит ли она что-либо об уголке — ответила: «Ничего не помню, да мне и интересоваться этим не полагалось, но помню, что там была маска и письмо к дяде от Пушкина о дуэли; им особенно дорожила Татьяна Борисовна». Письмо, по воспоминаниям тех же лиц, было написано по-русски; лист был заполнен неполностью. Рядом с письмом узнаем лицо близкого друга поэта И. И. Пущина в старости. Над ним еще один портрет человека в военной форме; по нашим предположениям, это К. К. Данзас в молодости. Между ним и маской находится изображение А. С. Пушкина — видимо, литография с известной акварели П. Соколова. Выше висят две большие картины: Н. Н. Ге «Пущин в гостях у Пушкина в Михайловском» (копия), вторая — старая литография — «Лицей и директорский дом». Ниже письма помещены в ряд четыре небольших портрета. Среди них узнаем А. А. Дельвига, В. А. Жуковского, предполагаем также П. Я. Чаадаева. На стене справа — друзья и близкие поэта. Здесь Е. А. Карамзина с портрета работы Дамона, З. А. Волконская, П. В. Нащокин, В. П. Зубков, К. Н. Батюшков, Е. А. Баратынский. По воспоминаниям И. Ф. Варниной, в этой комнате были изображения П. А. Вяземского, А. С. Грибоедова, П. П. Каверина, Е. И. Трубецкой.

Лица остальных установить нам не удалось.

На уровне бюста и маски, справа от них, находится книжная полка, вероятно, с томами сочинений поэта издания Брокгауза и Ефрона, первый том которого вышел в 1907 г., а последний в 1915 г. На книжной полке предполагаем фотографию В. В. Стасова, выдающегося музыкального критика.[4] За полкой, рядом с бюстом, чьи-то большие женские портреты, по рассмотреть их нет возможности, так как они частично закрыты. Таково приблизительно, по нашим сведениям, содержание Пушкинского уголка.

Уже упомянутая нами Е. И. Кожина сообщила, что в 1915 г. Т. Б. Семечкина выехала в Петроград, и она, Е. И. Кожина, поехала с ней. Все коллекции были вывезены. В Петрограде Т. Б. Семечкина разместила их в небольшой комнате своей квартиры по Знаменской улице, 68. Е. И. Ко-

[3] См. анонимную статью в «Русском Вестнике» (1897, № 7, стр. 815—817).

[4] Об отношениях В. В. Стасова и Т. Б. Семечкиной см. в кн.: Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову. Сборник воспоминаний. СПб., 1907, стр. 159—160. — В день 70-летия Стасова (2 января 1894) Т. Б. Семечкина преподнесла юбиляру его портрет, писанный ею красками на фарфоре. Отвечая на этот подарок, В. В. Стасов благодарил ее как «достойную представительницу русского женского труда» на Всемирной выставке и упомянул сделанный ею «оригинальный русский шкаф, с портретами нашего великого Л. Толстого, назначенный для хранения его сочинений».

lib.pushkinskijdom.ru

Общий вид уголка Пушкина в Саратове. (По фотографии, снятой до 1915 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

жина в начале революции вернулась в Саратов. Квартира по Знаменской улице была последней для Т. Б. Семечкиной; в ней она 15 октября 1919 г. и умерла.[5] Больше о Пушкинском уголке нашему кружку ничего узнать не удалось. Попытки проследить его дальнейшую судьбу в Ленинграде пока положительных результатов не дали. Сотрудники музея «Последняя квартира Пушкина» (набережная Мойки, 12) сведений об этом собрании не имеют.

Фамилия Т. Б. Семечкиной в кругу пушкинистов известна. Некоторые материалы (рукописи), хранившиеся у нее, поступили в Институт русской литературы Академии наук СССР.[6]

Поиски необходимо продолжить: могут быть найдены ценные реликвии, связанные с именем поэта, — хотя бы письмо к К. К. Данзасу, о котором говорили нам несколько лиц.

Т. Киселева, Л. Мужельская, Л. Шевырева

---

[5] Похоронена на кладбище Александро-Невской лавры.

[6] Например, лицейский сборник «Дух лицейских трубадуров» с автографом Пушкина (записью лицейской песни) и автографической копией письма Пушкину к барону Геккерену, 26 января 1837 г. (см.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. Научное описание. Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 80 (№ 197) и стр. 243 (№ 683)).

lib.pushkinskijdom.ru

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Автограф записки Пушкина «О народном воспитании», первая страница, с записями П. А. Вяземского и В. Е. Якушкина. (Стр. 7).

Рафаэль Санцио. Бриджуотерская мадонна. Гравюра А. Л. Романе. (Между стр. 40 и 41).

Рафаэль Санцио. Бриджуотерская мадонна. (1507). (Там же).

Портрет Пугачева, приложенный к «Истории пугачевского бунта». (Между стр. 48 и 49).

Е. И. Пугачев. Копия начала XIX в. с портрета работы неизвестного художника. (Там же).

Общий вид уголка Пушкина в Саратове. (По фотографии, снятой до 1915 г.). (Между стр. 80 и 81).

lib.pushkinskijdom.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. В. Измайлов. Вновь найденный автограф Пушкина — записка «О народном воспитании» 5
В. Э. Вацуро. Пометы Пушкина на книге Вяземского 17
П. М. Казанцев. К изучению «Русского Пелама» А. С. Пушкина 21
Я. Л. Левкович. К цензурной истории «Путешествия в Арзрум» 34
Г. М. Кока. Пушкин перед мадонной Рафаэля 38
М. И. Гиллельсон. Из архива Вяземских. Пушкин и Трико . . . 44
Н. Н. Петрунина. Портрет, приложенный А. С. Пушкиным к «Истории Пугачева» 48

II. ОБЗОРЫ

В. В. Зайцева. Книги о Пушкине. 1964—1965 годов 54

III. ХРОНИКА

Некрологи 61
Пушкинские конференции 72
Московский музей А. С. Пушкина в 1964—1965 гг. 75
Пушкинский заповедник Псковской области в 1964—1965 гг. . . . 76
Уголок А. С. Пушкина в Саратове 79
Список иллюстраций 82

lib.pushkinskijdom.ru

ВРЕМЕННИК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ. 1964.

Утверждено к печати
Пушкинской комиссией
Отделения литературы и языка
Академии наук СССР

Редактор издательства *К. Н. Феноменов*
Технический редактор *Р. Е. Зендель*
Корректор *Г. А. Мошкина*

Сдано в набор 15/V 1967 г. Подписано к печати 21/IX 1967 г. РИСО АН СССР № 12—133В. Формат бумаги 60 × 90¹/₁₆. Бум. л. 2¹³/₁₆. Печ. л. 5¹/₄ + + 3 вкл. (³/₈ печ. л.). = 5⁵/₈ усл. печ. Уч.-изд. л. 6.2. Изд. № 3435. Тип. зак. № 316. М-26315. Тираж 4100. Бумага типографская № 2.
Цена 38 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

lib.pushkinskijdom.ru